

Елена Паленова

The background of the cover features a woman in a long, flowing, iridescent dress that glows with rainbow-like colors. She is walking from left to right, her hair and dress trailing behind her. The scene is set against a dark, starry night sky with a body of water visible at the bottom, reflecting the light from the woman and the stars. The overall mood is magical and ethereal.

Не злите ведьму

Сказочная работёнка

Елена Паленова
Не злите ведьму.
Сказочная работёнка
Серия «В гостях у ведьмы», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257544
SelfPub; 2024*

Аннотация

Финальная книга трилогии "Не злите ведьму". Жизнь Элеоноры делает очередной поворот. Эля планировала сосредоточиться на борьбе с Марией, но неожиданно к ней возвращается семья, на голову сваливается забота о неугомонной ведьмочке Люське, Шабаш оказывается совсем не таким, как хотелось бы, а злая чёрная ведьма продолжает бесчинствовать на заповедных лесных землях.

Содержание

Глава 1. Возвращение	4
Глава 2. Самое ценное	14
Глава 3. Важные решения	24
Глава 4. Бывает и так	35
Глава 5. Сюрприз	49
Глава 6. Ночные гости	59
Глава 7. Поиграли	71
Глава 8. Простить и отпустить	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Паленова

Не злите ведьму.

Сказочная работёнка

Глава 1. Возвращение

Решение не совершать необдуманные и опрометчивые поступки, увы, от таких поступков не избавляет. Собственную непростительную ошибку я осознала через несколько часов после того, как села в вагон поезда, направляющегося в сторону Вырвинска. Как сейчас называют наивных и доверчивых дурочек, которых можно без особых усилий вокруг пальца обвести? Лохушками? Ну вот это как раз обо мне. Не обидно даже, потому что на правду обижаться глупо.

Уважающая себя ведьма на моём месте, наверное, сразу же заподозрила бы неладное – уж слишком легко Мария согласилась на сделку, условия которой были выгодными только для меня. Что получила я в результате нашего с ней договора? Заверенное магией обещание никогда не приближаться ко мне, к членам моей семьи и тем, кто мне дорог. То же самое касалось и родственниц Антона Лопатина, и нежити, которая осталась со мной. Составлять поимённый список смысла не имело, поскольку вчерашний друг может зав-

тра стать злейшим врагом и наоборот. Получалось, что я могу назвать дорогим для меня человеком любого случайного прохожего, и Мария будет обязана не трогать его ни магией, ни даже помыслами. Могу весь город друзьями назвать. Да хоть всю страну. Этому условию явно требовалось уточнение, но Мария согласилась с ним в таком виде. Сначала я думала, что это произошло из-за её самонадеянности, а потом поняла, насколько сильно заблуждалась.

В открытом купе плацкартного вагона вместе со мной ехала семья – муж, жена и их сынишка лет десяти. Ночью они вышли на своей станции, оставив на столике две пластиковые бутылки с остатками лимонада и колоду карт – забыли, наверное. Я проснулась от шума, когда эти люди впопыхах собирали свои вещи. Проводница два раза приходила будить этих пассажиров, но они всё равно умудрились проспать, а потом такую суету устроили, что половину вагона перебудили. Когда они наконец-то ушли, я спустилась со своей верхней полки вниз. Проводница сказала, что до конца маршрута одно нижнее место так и останется свободным, поэтому я могу его занять. А почему бы и нет? Внизу ведь удобнее. И сон, как назло, уже не шёл – оставалось только таращиться в предрассветные сумерки за окном и строить планы на будущее.

Карты я взяла в руки неосознанно. Задумалась о том, правильно ли поступила, бросив семью на произвол судьбы, а рука сама потянулась к колоде. Власов сильный, умный и на-

дѣжный, но у него в голове после всего случившегося ужасная путаница, а я даже объяснений никаких не дала. Он в растерянности. За нашим домом в Мизгиревке следят прихвостни Артура Карпунина – я совершенно о них забыла. Нужно было и этот момент тоже контрактом оговорить – потребовать у Марии, чтобы она оградила членов моей семьи от всех представителей чокнутой семейки Карпуниных. Упустила. Забыла. И вот как раз когда я начала волноваться по данному поводу, бездумно выкладывая карты одну за другой на столик, неожиданно сработал провидческий дар. Видения замелькали перед моим мысленным взором одно за другим, и не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что они не изменились. Власов, Владик и Майя Алютина – они, по мнению видений, так и остались втроем. Майя со временем состарится и умрёт, Владик вырастет и возмужает, но ни он, ни Власов не будут стареть. Они будут переезжать с места на место, менять свои имена, жить с разными женщинами. Но у меня не будет внуков. Почему? Да какая разница? Вопрос был не в том, как сложится бесконечная жизнь Власова и Владика, а в том, почему она будет бесконечной. С какой стати?

Эти видения не показывали Марию и магию, но где-то глубоко в душе поселилась уверенность, что чёрная ведьма каким-то образом меня обманула. Фрося – не единственная кикимора на свете. Можно найти другую, подчинить её и заставить выполнять приказы. Этот момент я в договоре тоже

упустила – речь шла только о прямом магическом влиянии на членов моей семьи, а насчёт посредников там ни слова не было сказано.

И ещё... Для того, чтобы получать природную силу через Антона, Марии тоже понадобится посредник. Пуповину Владика она своей рукой срезала, поэтому могла всё делать сама, а с Лопатиным дела иначе обстоят. Там всё сложно. Нужна ведьма с природным или смешанным даром, которая сможет правильно поглощать чужую магию и добровольно отдавать её в чистом виде Марии. Ну или не ведьма, а колдун – не имеет значения. Важно то, что подобная способность далеко не у каждого есть. Нужно состоять в родственной связи с «источником» если не по крови, то по магии. Серафима приходилась Антону бабкой, поэтому могла пользоваться его природной силой. Я унаследовала её дар – это тоже достаточное основание. А Мария Антону никто, поэтому я и считала сделку для неё совершенно невыгодной. Люську и Клавдию Никитичну я из-под удара вывела – договориться о передаче магии с ними Мария не сможет. Есть и другие наследницы мизгирёвских ведьм, но они просто одарённые, без колдовского дара. Люськина мама, например, с животными умеет общаться, но она не ведьма. Для Марии она бесполезна. И другие женщины этого рода тоже. Но тогда зачем Мария пошла на сделку со мной? В какой момент я утратила контроль над ситуацией? Что она знает такого, чего не знаю я? И почему мои видения о Власове и Владике совершенно

не изменились?

Всеми этими вопросами нужно было озаботиться гораздо раньше. Род мизгирёвских ведьм довольно-таки обширен, а генеалогическое древо, которое я видела в одной из книг в хранилище, неполное – в нём упомянуты только прямые потомки основных ветвей, да и то не все. У мужчин бывают внебрачные дети, такое отследить сложно. Да и не занимался этим отслеживанием никто. Марии с её способностями к чёрной магии всего одна капля крови Антона нужна, чтобы вычислить всех его родственников, включая седьмую воду на киселе. А в обширном списке родни наверняка найдётся одна ведьмочка, которая окажется полезной.

Что же касается Владика, то я и здесь, мягко говоря, опарафинилась. Заставила провидческий дар работать в направлении прошлого, отмотала видения назад то того момента, когда мой сын появился на свет, и увидела то, на что не обратила внимание раньше – Мария срезала пуповину сантиметрах в двадцати, а потом укоротила её. Когда мы обменялись пуповинками, я получила кусочек длиной сантиметра три-четыре. Проверила принадлежность артефакта, убедилась, что он действительно принадлежит Владиду, уничтожила и успокоилась. Но это была лишь часть того сокровища, которое Мария заполучила во время моих родов. Кусочков было несколько, а в нашем договоре речь шла только об одном. И в отношении моего сына сделка с чёрной ведьмой оказалась бессмысленной, потому что умеренная перекачка

природной силы через его ауру ребёнку не вредит.

Ну и кто из нас оказался самонадеянным? У Марии теперь два источника природной силы, которые вполнину уменьшены из-за утраты духовной связи с одним из родителей. У неё есть Антон Лопатин – его силу можно качать через посредника. И есть мой сын. Мария поклялась не касаться его магией, но настроить передачу природной силы может другая ведьма. При наличии подходящего посредника Мария может получать всё желаемое по другой сделке, не нарушая при этом наши с ней договорённости. Она будет лишь заказчиком услуг, и возложить на неё вину за действия другой ведьмы никак не получится.

– Ну и гадина! – проворчала я вслух, стукнув кулаком по столу так, что бутылки с остатками лимонада попадали на пол.

Сразу же захотелось торжества справедливости, но последствия предыдущего такого торжества на подвиги как-то не вдохновляли. Остаток пути я провела в глубоких раздумьях, мысленно ругая себя последними словами за глупость. Вышла на своей станции с твёрдым намерением впредь не поступать необдуманно – как, впрочем, и всегда. Добираться до Мухино автобусами с пересадкой было долго, поэтому я нашла укромное безлюдное местечко и воспользовалась магией перемещения, исчезнув в пустом переулке, а возникнув сразу посреди гостиной в своём жилище. Удивилась наличию запаха детского питания, которого в этом доме не долж-

но было быть, нахмурилась, а в следующее мгновение за спиной прозвучало:

– Привет.

У меня глаза на лоб полезли.

– Власов? Ты как сюда попал?

– Забрал машину от гостиницы в Тамбове и приехал, – невозмутимо пояснил он. – Опять трусливо сбежишь, или всё-таки попытаемся быть нормальными людьми и поговорим?

Ну да. С его манерой вождения обогнать пассажирский поезд, который на маршруте каждому столбу кланяется, труда никакого не составляло.

– А Владик где? – осведомилась я.

– Поел и спит, – прозвучало в ответ. – Эля, не убегай, пожалуйста. Мне кажется, я имею право на объяснения.

– Имеешь, – согласилась я и плюхнулась на диван, с которого в воздух поднялось облако пыли. – Чёрт, здесь прибраться не мешало бы. Не возражаешь, если по дому будут шастать домовой и кикимора?

– Да мне плевать, – сообщил Власов. – Хоть лешего с водяным и русалками сюда приведи, я всё равно никуда не уеду, пока мы не поговорим.

Я открыла бездонную сумку, для удобства трансформированную в современный на вид рюкзачок, и выпустила оттуда Нефёда и Фросю. Не знаю, чем всю дорогу занималась кикимора, но домовой однозначно пользовал блюдо с голубой ка-

ёмочкой – он выглядел даже не сытым, а в очередной раз объевшимся. Поскольку эта нежить после освобождения от власти Марии имела статус свободной, я не приказала навести в доме чистоту, а вежливо попросила. Возражений не последовало, но Нефёд сразу же поинтересовался, где Батон, и долго сокрушался по поводу того, что его хвостато-усатого друга после отъезда Петра Семёновича выставили жить на улицу. Ворчание прекратилось только после того, как Власов клятвенно пообещал отыскать потерявшегося кота. Нефёд приступил к уборке, а Фросю мы пригласили за журнальный столик переговоров, поскольку она знала подробности недавних событий едва ли не лучше, чем мы с Власовым, вместе взятые.

Разговор получился долгим, содержательным и весьма неприятным, особенно когда речь зашла о взаимных изменах. Эта тема оказалась самой сложной.

– Толя, о какой семье может идти речь, если мы оба пошли налево в первой же сложной ситуации? – спросила я. – Да, тебя на это толкнули обман и отчаяние, а меня – магия, но дальше ведь лучше не будет. Я не перестану быть ведьмой, и рядом со мной тебе уже никогда не будет комфортно. Я не могу гарантировать, что следующая встреча с Лопатыным или кем-то другим со схожей природной энергетикой не закончится очередной изменой. А ты? Ты можешь дать гарантию, что не захочешь жить по-человечески с нормальной женщиной и в нормальном окружении? Мы не можем

быть вместе, понимаешь? Не знаю, как с этим справляются другие ведьмы, но в отношении меня Белена была права – я обречена на одиночество.

Я говорила, а он внимательно слушал. Потом было наоборот. В процессе дискуссии мы попросили Фросю приготовить чай. Она принесла с кухни чашки с горячим напитком, а Нефёд притащил сахарницу и розетку с конфетами. По привычке заедать стресс сладостями я бездумно схватила со столешницы выпавшую из розетки карамельку. Мятную.

Со стороны нежити это было по отношению ко мне величайшей подлостью. Мои чувства принадлежат мне, и никто не имеет права решать, должна я их испытывать или нет. Я даже не сразу поняла, что произошло. Это было как... Да больно это было.

– С тобой всё в порядке? – взволнованно поинтересовался Власов, когда я на полуслове замерла и смертельно побледнела.

А я не смогла ничего ему ответить, потому что старательно сглатывала подступающий к горлу ком слёз.

– Ваш спор был нечестным, потому что она избавилась от кое-каких чувств, – доверительно объяснил Нефёд Власову. – Теперь всё честно, но я, пожалуй, пойду, пока мне не влетело за самостоятельность.

Я швырнула в него чашку с кипятком и разревелась. Нефёд увернулся, чай расплескался по ковру, чашка выкатилась на светло-коричневый ламинат и осталась лежать там,

потому что нежить предусмотрительно спряталась, опасаясь возмездия. А я плакала. Когда не испытываешь к людям никаких чувств, решать их судьбу очень легко. Всё выглядит совсем по-другому. А когда любишь, сама мысль о возможности их потерять становится невыносимой. В тот момент мне и правда захотелось сбежать. Спрятаться, снова вырвать из своей души то, что причиняет боль, а потом исчезнуть и больше никогда не попадаться Власову на глаза.

Он сидел в кресле напротив меня по другую сторону журнального столика. Упёрся локтями в колени, положил подбородок на сцепленные в замок руки и думал о чём-то своём. Не пытался утешить, ни о чём не спрашивал. А потом сказал:

– У Владика зубки начали прорезаться. Он температурит, капризничает и плохо ест. Эля, я не справлюсь без тебя. А с другими не хочу. Я люблю тебя, понимаешь? Вместе со всей твоей магией, нежитью и проблемами. Тебе решать, конечно, но на одиночество ты обрекаешь себя сама. Не отказывайся от нас, пожалуйста. Подумай ещё раз.

Глава 2. Самое ценное

Власов всегда казался мне таким сильным и нестигаемым, но безжалостный мир колдовства и магии сломал его. Я видела это в любимых глазах. Слышала в голосе. У каждого человека есть предел возможностей, и для нормальных людей он ограничивается реальностью. Толя своего предела достиг. Он ничего не мог противопоставить врагу, в существование которого даже поверить сложно. Но он не сдался. Согнулся под грузом обстоятельств, устал, но всё же хотел остаться рядом со мной.

Это я виновата. Мне хотелось чувствовать себя нужной, поэтому я приняла его любовь. Втянула в водоворот невыносимых проблем, заставила вращаться в этом вихре вместе со мной, пообещав взаимность, а потом вытолкнула назад в реальность и бросила на произвол судьбы. Переживала и выплонула – так, кажется, говорят. Но я ведь тоже его любила. И теперь люблю. Для него и нашего сына было бы лучше держаться от меня подальше, и умом я это прекрасно понимала, но вернувшиеся чувства не хотели их отпускать. Я ведь ненормальная. Я на каждом шагу спотыкаюсь и совершаю ошибки, от которых дорогие мне люди могут пострадать. Но если они будут рядом... Может, так я смогу обеспечить им лучшую защиту?

Пока я размышляла над тем, что ответить Власову, Вла-

дик в спальне проснулся и заплакал. У меня от этого звука душа наизнанку вывернулась. Плевать на опасность. Плевать на последствия. На всё плевать! Это моя семья. Мой муж, мой сын – я обязана заботиться о них, а не о своих планах на будущее. Проблемы нужно решать по мере поступления и степени важности – от срочных к глобальным.

Власов молча встал с кресла и пошёл к сыну. Я ещё с минуту сидела на диване, размазывая по щекам слёзы, а потом поплелась за ним. Я хотела быть нужной? Ну так вот оно! Я нужна! Здесь и сейчас, а не в неопределённом будущем, когда навалю всем обидчикам и почувствую себя увереннее.

– Дай посмотрю, – потеснила я Власова от кровати, на которой сучил ножками и истошно орал наш сын.

Толя был прав – на нижней десне у Владика напух осязаемый бугорок, свидетельствующий о том, что мой сыночек скоро станет зубастым. Может, мать из меня и никакая, но уж избавить собственного ребёнка от боли я точно могу. И от мокрого памперса, раздражающего нежную детскую кожу, тоже.

– Ты когда его нормально купал в последний раз? – сердито поинтересовалась я у мужа. – Он же весь заперл. Я понимаю, что у твоей питерской бабы нет опыта обращения с маленькими детьми, но...

– Эля, не надо так, – попросил он, и в его голосе явственно прозвучали нотки обиды. – Если считаешь наши дальнейшие отношения невозможными, то мы просто цивилизован-

но расстанемся без взаимных претензий. Не опускайся до оскорблений, это ни к чему.

Я злилась, потому что пребывала в состоянии полной душевной и моральной дезориентации. Слишком резкий случился переход от безразличия к любви, за которой мгновенно прискакала и ревность. Чувства должны нарастать постепенно, а не вот так. Пять минут назад мне было безразлично, с кем спит мой муж, а теперь стало не всё равно. Свинство с моей стороны, конечно. Я тоже не невинная овечка, а Власов ведь не упрекнул меня ни в чём.

– Прости, – попросила я. – Мне, кажется, нужно время, чтобы с самой собой договориться. И пока не договорюсь, вряд ли буду белой и пушистой. У меня сейчас острая потребность кого-нибудь покалечить, честно.

– Там за воротами на противоположной стороне улицы «Нива» тёмно-зелёная стоит. Можешь сходить и спросить у ребят, какого лешего они за мной от самой Мизгиревки сюда тащились, – предложил Власов. – Заодно реализуешь свою потребность.

– Это люди Карпунина, – поставила я его в известность. – Если я начну их калечить, Олег Григорьевич огорчится. Они следят, чтобы мы с тобой не мешали Артуру перекапывать Лесное в поисках целебных источников. Принеси мой рюкзак, пожалуйста.

Пока Толя ходил за бездонным артефактом, я раздела сына, внимательно осмотрела, поумилялась тому, как вырос

мой мальчик всего за месяц, и магией избавила его от опрелостей, которые беспокоили малыша не меньше, чем режущиеся зубки.

– Держи, – протянул мне Власов рюкзак.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Сунула руку внутрь с намерением достать оттуда волшебное блюдо, но наткнулась пальцами на что-то мягкое. Это был Нефёд. Нашёл, негодник, где спрятаться. Я его вытащила за ухо и пообещала, что за самостоятельность он мне ещё ответит. Отпустила домового, вынула блюдо, попросила детскую ванночку, махровое полотенце и жидкое мыло «Ласковая мама» с ромашкой. Выражение лица Власова в тот момент, когда артефакт увеличился в размерах и выдал мне желаемое, описать сложно. Я пальцем аккуратно вернула его отвисшую челюсть на место, сунула ванночку ему в руки и попросила:

– Тёплой воды набери на треть. Сюда тащить не надо, в ванной оставь.

– Угу, – кивнул он и наконец-то пришёл в себя. – Эта штука работает как корзинка Белены?

– Вроде того, но она всё ворует, – призналась я. – Тебя это смущает?

– Нет.

– Ну вот и славно.

Поговорили, называется. Я не знала, как теперь с ним себя вести. У меня были другие планы на обозримое будущее.

Личной жизни я отвела место в самом хвосте этих планов, а она настигла меня здесь и сейчас. А ему было ещё сложнее. Шепотки кикиморы несколько месяцев кряду подменяли его настоящее отношение ко мне, и теперь Толя сам в себе запутался. Мы оба запутались. И думать, что получится распутать этот клубок в одночасье, было бы с моей стороны слишком самонадеянно.

Власов всё помнил, но для него последние месяцы представлялись какой-то другой реальностью. А хуже всего было то, что молодильное яблоко на несколько дней отмотало его возраст на двадцать лет назад. Разница между нами и до этого была ему занозой в пятке, а теперь он точно знал, что это поправимо. И хочется, как говорится, и колется, ведь к омоложению ещё и амнезия прилагается. Вслух он ничего такого не сказал, но мне ли не знать своего мужа. Он ведь теперь с удвоенной силой будет грузить себя тем, что слишком стар для меня.

Проще говоря, обозримое будущее для нас двоих теперь представлялось хаосом, в котором помимо семейных проблем присутствует ещё и злой умысел врагов. Для начала нужно было как-то устаканить личную жизнь, а потом уже двигаться дальше.

– Надо продукты купить, – сказал Власов после того, как мы совместными усилиями выкупали ребёнка.

– Надо, – согласилась я. – И не только продукты. Я блюдом стараюсь не пользоваться, его Нефёд эксплуатирует. Пусть

Владик обсохнет немного, и съездим в магазин.

– Вечером Серёга приедет. Документы привезёт.

– Хорошо. Завтра, значит, вместе пойдём решать вопрос с пропиской.

– Эль...

– Что?

– Ты уверена, что хочешь жить здесь?

– Не здесь, – уточнила я. – Я хочу жить в одном очень милom местечке неподалёку отсюда, но сначала надо выкурить оттуда Артура Карпунина так, чтобы у него уже никогда не возникло желание вернуться. И от Марии нужно избавиться. Но это не сейчас. Позже. И то не факт. Я могу и передумать. А куда блюдо делось?

Я оставила его на кровати в спальне, но артефакт исчез.

– Мяу! Мяу! – донеслось со стороны гостиной нестройным кошачьим хором.

Мы с Власовым дружно повернулись в сторону настежь открытой двери. Сначала мимо неё пропыхтел Нефёд, волоча за собой по полу мешок сухого кошачьего корма, а следом за ним, задрав хвосты, пробежали два голодных любимца – отощавший до нормальных размеров Батон и Муха.

– Мне это сейчас померещилось? – спросил Толя.

– Нет. Блюдо и живые объекты тоже может перемещать, – спокойно сообщила я. – Кстати, о перемещениях... Мне родителей надо проведать и ещё к кое-кому в гости заглянуть. Я не планировала снова становиться домохозяйкой и безвы-

лазно торчать в четырёх стенах, извини. Если ты уверен в своём желании сохранить нашу семью, нам придётся практически с нуля начинать, потому что по-прежнему уже не будет.

– Это я уже понял, – кивнул он. – Ты очень сильно изменилась.

– Уж какая есть, – развела я руками.

А что я должна была сказать? Притвориться, что ничего не изменилось? Близкие люди должны говорить друг другу правду, потому что ложь и недосказанность к добру не приводят. Если вспомнить первые месяцы нашей жизни после появления Владика, то что хорошего получилось из молчания Власова о страхе перед магией? Да, ему Фроська нашептала этот страх, но ведь мы могли поговорить на эту тему. Могли всё обсудить, и тогда многое получилось бы совсем по-другому. А теперь нужно чинить всё сломанное, и никаких тайн между нами быть не должно. Это в том случае, если мы действительно намерены оставаться вместе. Между нами образовалась пропасть, через которую нельзя просто перешагнуть. Есть любовь, есть общий ребёнок – возможно, этого будет достаточно для того, чтобы преодолеть все препятствия, но может случиться и так, что взаимные чувства не выдержат испытаний. Они уже не выдерживают, и ложь только разрушит всё окончательно.

– А мой триммер из гаража в Мизгиревке эта посуда сюда может доставить? – поинтересовался Власов только по-

тому, что тишина давила ему на нервы. – Здесь два месяца никто во дворе порядок не наводил, заросло всё.

– Да хоть весь гараж целиком, – беззаботно пожала я плечами. – Соседи, правда, удивятся.

– Весь гараж не надо, – усмехнулся Толя в ответ. – Пока только некоторые инструменты нужны, но я могу и новые купить, если это проблема.

Проблемы с перемещением предметов через волшебное блюдо не имелось никаких, но для начала нужно было отнять артефакт у Нефёда. Меркантильный домовой даже со мной торгуется из-за каждой мелочи, поэтому было очень интересно посмотреть, как Власов будет с ним договариваться. Мне тоже хотелось кое-что переместить из другого дома в этот – детскую кроватку, например. Предоставив мужу честь вести дипломатические переговоры с нежитью, я развлекала Владьку и одновременно слушала весьма забавный диалог.

– А мне не надо ничего, я из этой тарелки сам могу всё добыть, – упёрся Нефёд, не желая отдавать бессовестно украденное сокровище.

– А я тебе ничего и не предлагаю, – заявил ему Власов. – Это не твоя вещь. Если не отдашь, пойдёшь жить на улицу.

– Она и не твоя, – возразил домовой. – Она ничейная. Хозяйка её тоже без спросу где-то взяла. И дом не твой, поэтому выгнать меня ты не можешь. Отстань.

– А если я тебя искупаю?

– А вот шиш тебе! Поймай сначала.

Нефёд не из вредности спорил, а просто для того, чтобы Власов ему побольше внимания уделил. Он всегда так делает – потребность в общении у нежити тоже есть. А Толя завёлся из-за того, что не получается добиться желаемого. Разозлился. Перешёл от уговоров к угрозам. Пригрозил отвезти Муху и Батона в приют для животных, поскольку ему на кошек наплевать, а домовой в наказание за своё упрямство может лишиться друзей. Нефёд на это ответил, что вернёт любимцев с помощью блюда раньше, чем Власов их за пределы дома вынесет. Фрося уже давно принесла артефакт и положила его на край кровати, но эти двое так увлеклись препирательствами, что ничего не заметили. Перестали ругаться только тогда, когда у Власова телефон зазвонил.

– Перебьёшься! – схватила я блюдо раньше, чем его спал опомнившийся домовой.

– Ты эту тарелку мне отдала, – напомнил он. – Она моя.

– Я отдала её тебе для того, чтобы ты нормально питаться мог, когда Мария тебя этой возможности лишила, а сейчас ты наглеешь, – возразила я. – С этого момента объявляю артефакт семейной реликвией, принадлежащей всем членам семьи, а не кому-то одному. Пользоваться можно, а прихватизировать нельзя, понял?

Власов в это время разговаривал по телефону в гостиной. Я не прислушивалась к словам, но слышала нотки раздражения в его голосе. Добыла из блюда кровать и Владькины погремушки, оставила с ребёнком Фросю, а сама пошла к мужу

выяснять, что его разозлило.

– Олег Карпунин звонил, – сообщил мне Толя. – Намекает, что в Мизгиревке нам с тобой будет безопаснее.

– Он вообще страх потерял? – изумилась я такой наглости. – Теперь ещё и угрожать будет?

– Да он прав, – недовольно поморщился Власов. – Чем дальше от Карпуниных мы находимся, тем для нас же и лучше. Эль, ты же их знаешь. Они к людям как к мусору относятся. Если бы не Владик, другой разговор был бы. На самое дорогое ведь дают. Давай вернёмся?

– Чёрта с два! – отрезала я, поставила блюдо на журнальный столик и попросила, чтобы оно доставило мне Олега Григорьевича собственной персоной.

Угрожать моей семье он будет? Ну вот пусть и скажет, глядя мне в глаза, кто дал ему право распоряжаться нашими судьбами. Пуп Земли нашёлся. Достал, честно. Моему терпению тоже предел есть. Как бы ни сложились наши с Власовым отношения дальше, сейчас муж и сын – самое ценное, что у меня есть. И за них я любого порву на куски, пусть только кто-нибудь попробует хотя бы посмотреть косо.

Глава 3. Важные решения

Олег Григорьевич Карпунин – личность выдающаяся и за многие из моих бед ответственная, но он не один во всём виноват. У него просто возможностей больше, чем у других членов этой треклятой семейки. Орать на него одного – только время тратить. Я даже не раздумывала, когда вслед за его именем назвала блюда с голубой каёмочкой ещё два. И доставило их блюдо в такой же последовательности – сначала Олега Григорьевича, потом старшего сына и младшего.

Ой, умора, честное слово. Олег Григорьевич, судя по всему, культурно отдыхал, когда ему вздумалось позвонить Власову с угрозами и предупреждениями. Он материализовался на блюде одетым только в плавки. В курчавых седых волосках на старческой груди запутался кусочек тонкой водоросли – дедуля явно в речке недавно купался. В одной руке он держал шампур с готовым шашлыком, аромат которого сразу же распространился по гостиной, а в другой – полную рюмку чего-то коричневого. Вроде бы коньяка, но не факт. Картина маслом – на журнальном столике стоит увеличившееся в размерах блюдо, а на нём с торжественным выражением лица восседает подвыпивший дедок в труселях. Он, видимо, тост какой-то хотел толкнуть, но увидел сначала свирепую меня, а потом сердитого Власова. Осмотрелся, громко сглотнул и после этого смог только поздороваться.

Дальше было ещё веселее. Блюдо раздалось в длину и стало толще, а потом выдало мне ещё двух Карпуниных – по левую и правую руку от их папеньки. Артур появился в камуфляжных штанах, чёрной футболке и синей кепке. Он внимательно разглядывал какую-то карту и не сразу понял, что что-то вокруг него изменилось. А Мирон был одет в деловой костюм и с кем-то разговаривал по телефону. Увидев меня сквозь линзы своих очков, он вежливо пообещал телефонному собеседнику перезвонить позже и счёл необходимым спросить:

– Какого чёрта?

– Лысого, – сразу же ответила я.

Артур оторвал взгляд от карты и тупо уставился на Власова, который хоть и не знал, что я намерена делать с этими гостями, но на всякий случай встал рядом со мной, скрестил руки на груди и грозно нахмурился. Олег Григорьевич пребывал в состоянии приятного подпития, вследствие чего соображал туговато. Он всё-таки опрокинул в себя содержимое рюмки, понюхал шашлык и закрыл глаза. Открыл их, убедился, что происходящее ему не мерещится и только тогда попытался напустить на себя дежурную важность. А я сковала всех троих заклятием неподвижности, чтобы они не вздумали разбежаться, и заявила:

– Короче, так, уважаемые господа Карпунины. У меня к вам есть множество серьёзных претензий, поэтому я сейчас буду говорить, а вы всё внимательно слушаете и усвоите с

первого раза. Повторять ни для кого не стану. Если ещё хоть раз хоть один из вас попытается даже подумать в сторону моей семьи, вы все трое превратитесь в маленьких жирных кабанчиков. Вот в таких.

Для демонстрации своих возможностей я выбрала Миро-на, хотя он был виноват передо мной меньше других. Рассчитала силу заклятия так, чтобы оно затронуло только тело превращаемого, но не разум, и щёлкнула пальцами. Деловой костюм опал на блюдо, из вороха дорогой ткани послышалось жалобное «Уи-и-и!», а потом оттуда высунулся и хрюкнул серый пятачок.

У Артура глаза округлились и наполнились неподдельным ужасом. Олег Григорьевич удивлённо приподнял бровь и спросил:

– Девочка, ты в своём уме? Ты соображаешь, кому пытаешься угрожать? Бессмертной себя возомнила?

Шампур с шашлыком и пустая рюмка упали на пол, а рядом с Мироном захрюкал, путаясь в мокрых плавках, ещё один кабанчик – миленький такой, полосатенький. Из человекообразных собеседников у меня остался только Артур, но его внутренний голос, кажется, к этому моменту уже всю глотку вопил о том, что спорить с расшвырявшей ведьмой себе дороже. Этого Карпунина я тоже превратила в поросёнка – пусть прочувствует, что я не шучу.

– Эль, не перегибай, – тихо попросил Власов.

– Тебе их жалко что ли? – удивилась я. – Из них троих

я только Мирону не хочу свернуть шею, потому что он не слишком сильно успел мне насолить. Один убить пытался год назад, другой недавно тамбовским ментам взятки раздавал, чтобы меня посадили за твоё убийство. Это разве люди? Свиньи они и есть. Они же ни с кем не считаются. Ты сам пять минут назад говорил, что мы для них не ценнее мусора. Так почему я должна относиться к ним иначе? Пусть поймут, что безнаказанности больше не будет. Похрюкают минут пять, прочувствуют свою свинскую суть, а потом пусть катятся на все четыре стороны. Я сейчас ещё и Фросю попрошу кое-что у этих хрюканов в головах подправить.

Сказала – сделала, хотя поросята протестующе визжали. Обездвиживающее заклятие на людей было рассчитано, и после превращения оно действовать перестало, но я ограничила свинтусов в возможности беготни пределами блюда. Позвала кикимору и попросила её нашептать всем троим, что они относятся ко мне и Власову с безграничным уважением и врагами нас не считают. Именно так. Страх делает противника опасным и непредсказуемым, а уважение позволяет трезво оценивать собственные слабости. Я не хотела, чтобы Карпунины меня боялись, потому что с перепугу в их головы могла прийти мысль о расправе.

Когда Фрося закончила шептать, я вернула гостям их человеческий облик. Посмотрела с усмешкой на трёх голых мужиков, сидящих на огромном блюде и стыдливо прикрывающих свои причиндалы руками, а потом вежливо предло-

жила им обратиться к чертям собачьим с моих глаз.

– Толя, проводи их до того внедорожника, о котором ты говорил, – попросила мужа. – Пусть слуги сами развозят своих господ по домам. Олег Григорьевич, вы ведь насчёт слежки и всего остального хорошо мои слова поняли?

Он понял. Я отвернулась, чтобы пристыженные мужики могли спокойно одеться, и встретила взглядом с Власовым. Огорчение – вот что я там увидела. Моё поведение его расстроило. А я ведь предупреждала, что по-старому уже ничего не будет. Говорила, что белой и пушистой быть не смогу. Придётся ему привыкать ко мне такой, если, конечно, трансформация из любимой жены в злобную ведьму не заставит его отказаться от меня и семьи. Раньше он любил меня такой, какая я есть. Я изменилась. Изменятся ли его чувства?

– До свидания, Элеонора Алексеевна, – вежливо попрощался со мной Олег Григорьевич.

Принёс извинения за доставленные неудобства и разве что не раскланялся. Учитывая, что при этом был одет только в мокрые плавки, зрелище получилось то ещё. Артур вёл себя примерно так же, а Мирон всегда был человеком культурным, поэтому его поведение не слишком отличалось от прежнего. Толя ушёл их провожать, а кикимора выглянула в окно и сочла нужным сообщить:

– Марии это может не понравиться.

– Пока я не вмешиваюсь в её дела, ей на всё плевать, –

возразила я. – Мои разборки с Карпуниными её никак не касаются. Вот когда коснутся, тогда и будем разговаривать по-другому.

* * *

Остаток дня прошёл в домашних делах и заботах. Власов своё мнение относительно произошедшего так и не высказал, но я чувствовала, что ему не по себе. Мы съездили в магазин за продуктами, одеждой и предметами первой необходимости. Потом я возилась в кухне, готовя еду, а Толя косил траву во дворе – своим триммером, добытым через волшебное блюдо.

Пётр Семёнович по весне разбил на нашем крошечном участке грядки, которые после отъезда старика успели сильно зарости сорняками, и Власов спросил, что с ними делать – полоть или просто выкосить под корень. Я сказала, что помидоры и огурцы выращивать там точно не буду.

– Значит, выложим плиткой и сделаем просто большую зону отдыха, – подытожил муж и выбил косилкой всю зелень до самой земли.

Ему нужно было чем-то себя занять. Бизнес, стройка, дела по хозяйству – что угодно, лишь бы не сидеть без дела. Сергей позвонил и сказал, что приедет только завтра, поэтому Толя весь вечер составлял в своём ноутбуке какие-то таблицы, делал подсчёты и рылся в Интернете в поисках информации. При этом неловкость между нами с каждой минутой

ощущалась всё сильнее, потому что мы оба понимали – впереди ночь, и нужно решить, в одной постели мы её проведём или порознь. Это было важно. Я не хотела близости, потому что в памяти ещё были очень свежи воспоминания о моих кувырканиях с Лопатыным и о том, что Власов тоже мне изменил. Он, судя по всему, грузился этим не меньше меня. В итоге я ушла спать первой. Долго ворочалась с боку на бок, несколько раз вставала – то водички попить, то уборную посетить, то у детской кровати постоять, вздыхая. А потом пришёл Власов, разделся, залез под одеяло, вздохнул, обнял меня, поцеловал в макушку и... И всё. Так я и заснула – в его уютных, родных объятиях, с мыслью о том, что склеить разбитое у нас, возможно, уже не получится. Взаимные чувства есть, но в них появилась червоточина, от которой будет очень сложно избавиться.

Ночью к нам на постель забрались коты. Муха улеглась рядом со мной и начала громко мурлыкать, а Батон улёгся у Власова в ногах. Потом ещё и Нефёд припёрся – кошкой обернулся, залез на мою подушку и попытался засунуть мне в голову какой-то сон, но я от него закрылась. Хотела использовать пророческий дар, чтобы во сне увидеть наше с Власовым будущее. Увидела, блин. Лучше бы даже не пыталась.

Мне приснился незнакомый двор. Собачья будка, взрослая овчарка на цепи. Беседка-песочница, в которой темноволосый мальчик лет трёх-четырёх лопаткой накладывает песок в кузов игрушечного грузовика. Чуть дальше от ворот

женщина развешивает на верёвках постиранное бельё. Не я. Я не знаю, кто это. Молодая, светловолосая, красивая. Из дома выходит Власов – тоже молодой. «Папа!» – улыбается ему мальчик. «Толя, помоги, пожалуйста», – зовёт Власова незнакомка. Он идёт к ней и помогает повесить на верёвку плед. Обнимает сзади, целует в шею, кладёт руки на её округлившийся живот...

Я проснулась от плача Владика. Встала с постели, взяла сына на руки и почему-то подумала, что та жизнь, которую я видела во сне, лучше того, что я могу дать моим мальчикам. Им нужна нормальная семья. Да, я люблю их, но с моей стороны было бы верхом эгоизма удерживать их при себе. Что ждёт их рядом со мной? Каким будет наше будущее, если они останутся? Но, опять же, я не вправе решать за всех. Власов не хочет от меня отказываться. Не знаю, любовь им движет, страхи или растерянность – это не имеет значения. Я буду с ним до тех пор, пока ему это нужно. Захочет уйти – отпущу. Захочет забрать сына – отдам. Я на всё согласна, лишь бы они были здоровы и счастливы. Умру за них, если потребуется. На любые жертвы пойду.

Власов тоже проснулся. Я с Владиком ушла в кухню, чтобы приготовить ребёнку смесь, но Толя, наверное, привык спать чутко. Пришёл, посмотрел на меня хмуро, стёр ладонями слёзы с моего лица и поцеловал. Просто прикоснулся своими губами к моим – легко, нежно, но уверенно. А потом спросил:

– Ты меня любишь?

– Угу, – кивнула я.

– Правда?

– Угу.

– Сильно-сильно?

– Больше жизни, – прошептала я.

– Тогда позволь сейчас мне немножко побыть главным, хорошо?

Он позвал Фросю, забрал у меня Владика и отдал его кикиморе с просьбой покормить ребёнка. Подхватил меня на руки, унёс в спальню, выгнал оттуда весь зверинец, а когда мы остались вдвоём, усадил к себе на колени и целовал до тех пор, пока я не позволила себе расслабиться. Это была не страсть – мы просто заново учились чувствовать друг друга. Растворяться друг в друге. Доверять. Поддерживать. Любить. Дальше поцелуев дело не пошло – не ради постельных утех Власов затеял эту чувственную игру. Он хотел лишь удостовериться, что я не вру самой себе. Мы оба воздвигли между нами преграду, и у Власова достало сил первым начать ломать её, независимо от того, какие у его действий могут быть последствия. Я бы на подобное не решилась. Не так быстро. Несмотря на дурную привычку следовать спонтанным решениям, этот шаг я обдумывала бы долго и скрупулёзно. Изводила бы себя сомнениями, а его – отчуждением.

Я – ведьма. Настолько сильная и могущественная, что даже Мария уже не кажется мне непобедимым злом. Но я –

женщина. Настолько слабая, что мне нужна опора. Надёжное плечо. Верный друг. Любящий человек. Тот, с кем мне не нужно будет притворяться. Тот, с кем мне всегда будет просто и легко. Тот, кто способен защитить меня от самой себя.

– Власов, я ведь превращу твою жизнь в бесконечный магический кошмар, – вздохнула я, уютно устроившись у него на плече.

– Если при этом ты запретишь домовому храпеть на подушках в нашей постели, то я не возражаю, – отозвался он и признался: – Элька, мне сложно. Раньше как-то спокойно на это смотрел, но с осторожностью, а теперь, когда самого коснулось... Я боюсь. Не так, как под шепотками кикиморы, а по-настоящему. И не тебя, а за тебя. Я не понимаю магию, не вижу её и не чувствую, но знаю, что она есть. Для меня это неведомое зло, которое может отнять самое ценное. Я боюсь потерять тебя и сына. Мне беспокойно даже когда вы рядом, и я вижу, что с вами всё в порядке. А самое ужасное заключается в том, что так теперь, наверное, будет всегда. И как с этим страхом жить дальше, я не знаю. Ты можешь как-то это вылечить?

У меня внутри всё оборвалось. Он любит меня настолько, что готов быть рядом вопреки всему. А я? Готова ли я быть рядом с ним, зная, что из-за меня он страдает? Что это будет за жизнь? Магией можно человека от любого страха избавить, но это вмешательство не пройдёт бесследно. Такие недуги иначе лечатся. Я знаю способ, но Власову он точно

не понравится.

– Я подумаю, что можно сделать, – пообещала я.

Мы забрали Владика у кикиморы и вместе уложили сына спать. Я велела Нефёду больше не лезть к нам на постель и разрешила ему своровать хоть все носки Власова, если при-
спичит снова делать обереги на семью. В этот раз я заснула быстро и крепко – в кольце рук любимого человека, больше не испытывая сомнений относительно нашего общего будущего. Я всё решила. Мой сон станет явью, потому что любимые люди заслуживают счастья, а не жизни в постоянном страхе. Но сначала я избавлюсь от всех, кто способен мне помешать.

Глава 4. Бывает и так

Кто ходит в гости по утрам к невыспавшимся ведьмам, тот поступает не слишком мудро. Сергею повезло, что в гости он приехал не ко мне, а к Власову – мне совесть не позволила спустить его с крыльца с рекомендацией приехать попозже. К тому же, я всё равно уже проснулась, ведь возвращение в мою жизнь семьи вернуло и определённые семейные обязанности – стирка, готовка, кормёжка, забота и всё такое. Ребёнку нужны мамины внимание и любовь независимо от того, сколько часов маме удалось поспать. Иногда, конечно, можно заменить маму кикиморой, но это не очень честно.

Вот как раз в тот момент, когда Сергей постучал во входную дверь, я размышляла о том, нормально ли, что Фроська постоянно крутится возле Владика. Это сейчас ему всего пять месяцев, и он ничерта не понимает, но мальчик ведь будет расти. Когда-нибудь начнёт рассказывать всем подряд, что с нами живёт «тётя Фрося». А нежить ведь не всем показывается и даже так может делать, что в одно и то же время кто-то её видит и слышит, а другие не замечают. Я просто представила себе нормальный такой разговор в детском садике. Воспитательница: «Ой, Владик, а кто это тебе такую интересную игрушку из соломки сплёл?», а Владик ей со всей своей детской непосредственностью: «Тётя Фрося. Она кикимора, поэтому любит всё сплетать и заплетать». Ну ужас

же? Так ведь не должно быть.

– А Палыч спит что ли до сих пор? – отвлёк меня Серёжа от мыслей о будущем.

– В половине седьмого утра? – уточнила я. – Если ты не спишь, это не означает, что весь мир должен бодрствовать.

– Я вообще-то предупреждал, что приеду рано, – напомнил он. – И это не мне надо, а ему.

Он не улыбался. Я не сразу обратила на это внимание, а потом – как обухом по голове. Серёжа не улыбается! Раньше у него улыбка постоянно как приклеенная светилась, а в этот раз её не было. Видимо, в жизни племянника Власова что-то неприятное произошло, но мне почему-то не хотелось спрашивать об этом – ещё свежи были воспоминания о нашем последнем разговоре.

Я разбудила Толю и вернулась к своим домашним делам, предоставив мужчинам возможность пообщаться наедине. Через полчаса Сергей уехал. Нефёд притащил мне новости раньше, чем это сделал Власов. Оказывается, вчера Женя Карпунина дала Серёже от ворот поворот, поэтому крёстный моего сына и был так хмур. И виновата в их размолвке, конечно же, я.

– Ты превратила её папашу в свинью, – напомнил мне домовой. – А ещё деда и дядю. Конечно, девочка расстроилась.

– Да конечно! – усмехнулась я в ответ. – Расстроилась она, ага. Ей просто повод нужен был Серёгу отшить. Он же встречался с ней не из романтических побуждений, а только ради

того, чтобы досадить Карпуниным. Думаешь, она это не чувствовала? Да, ей ещё даже девятнадцати нет, но она далеко не дура. Плохо только, что не нашла в себе сил в глаза ему правду высказать, а в остальном я её полностью поддерживаю. Умница! Давно надо было это сделать.

Власов эти мои слова услышал. Он об истинных мотивах внимания Сергея к Женьке не знал ничего. Племянник не поставил его в известность о своих подлых намерениях, а этим утром ещё и на меня свалил вину за крах несуществующих матримониальных планов. Объясняться перед мужем пришлось мне, но не как виновнице, а как осведомлённому человеку.

– М-да, не ожидал от Серёги такой мерзости, – огорчился Толя. – Женьку то зачем в это втягивать? Ей и так досталось без вины, а на чувствах играть... Это на него как-то не очень похоже.

– Я уже пережила разочарование в Серёже, а теперь твоя очередь, – похлопала я его по плечу. – А пока будешь разочаровываться, потютюшкайся с Владиком, пожалуйста. Мне со своей роднёй тоже кое-что надо разрулить, чтобы уж все точки над *i* окончательно расставить и не думать больше об этом. Я быстро. Администрация всё равно ещё закрыта в такую рань, попозже туда съездим.

Нам нужно было решить вопрос с регистрацией по месту проживания. Это даже не столько нас касалось, сколько Владика – его же к поликлинике надо прикрепить, медосмотры

проходить, прививки делать. Мы будем жить в Мухино, пока я не покончу со всеми злодеями, которые портят жизнь мне и угрожают своей семье. Неважно, что будет после. Бюрократия не знает такого слова. Если у нас останется мизгиревская прописка, в мухинской поликлинике мне все девять кругов Ада пройти придётся, прежде чем Владьку к какому-нибудь педиатру припишут. Не хочется просто время тратить на это всё. Со штампами о местной прописке всё намного проще будет.

* * *

Проблемы от мелких неприятностей отличаются тем, что первые требуют решения, а от вторых нужно просто избавляться. Мой брат Вовка – это мелкая неприятность, способная создать проблемы. С ним я поступила примерно так же, как с Карпуниными.

Если подробнее, то дело было так. Я взяла волшебное блюдо и позвала Фросю в мансарду, чтобы лишний раз не нервировать Власова демонстрацией магических возможностей. Попросила у артефакта доставить мне Вовку. Вовка в это время ещё спал, поэтому поставленное на пол блюдо вытянулось в длину и явило мне братика, завёрнутого в тонкий пятнистый плед. Шаурма, блин. Проявлять к родственнику почтительность в мои намерения не входило, поэтому я не слишком вежливо потыкала его в бок пальцами ноги, чтобы разбудить. Он открыл глаза, увидел меня, несколько раз

моргнул непонимающе, а потом сел на блюде и поинтересовался:

– Это чё за хрень?

– И тебе доброе утро, – ответила я со злорадной улыбкой. – Познакомься, Вова, это Фрося. Она кикимора. Сейчас она немножко вправит тебе мозги, после чего ты вернёшься к жене и детям совершенно другим человеком. Улучшенной версией версией себя, так сказать.

Я и сама могла бы кое-что исправить в его голове, но брезговала. А ещё я опасалась что-нибудь сломать. Человеческий разум – материя хрупкая. У кикиморы сотни лет опыта работы с ней, а я свои возможности и силу ещё не осознала. Вдруг у братца после моего внушения мозги окончательно набекрень съедут? Не-не-не. Так нельзя. Я даже с Карпуниными не рискнула так поступить, хотя их не жалко, а этот паразит мне вроде как родной.

Вовка думал, что ему всё это снится – мне так Фрося сказала. Я попросила, чтобы он и дальше пребывал в этом заблуждении. Ну а что? Проснётся потом адекватным человеком. Так даже лучше. Кикимора нашептала ему, что он стыдится своего прежнего поведения и хочет всё исправить, в связи с чем извинится перед всеми родственниками и активно займётся поисками работы. Ему уже за тридцать – пора научиться жить самостоятельно, а не за чужой счёт.

Заодно я проверила, работает ли артефакт в обратном направлении – после промывки братику мозгов попросила

блюдо вернуть то, что на нём находится, туда, откуда это было взято. Оказывается, так тоже можно. Завёрнутый в пледик Вовка испарился, а я с помощью способности к магическим перемещениям убедилась в том, что объект доставлен по нужному адресу. Хорошо, что сообразила окружить себя мороком невидимости, а то заодно познакомилась бы с племянницами.

От одной мелкой неприятности вроде как избавилась — у Вовки теперь другая жизнь должна начаться, и осталось только дожидаться положительного результата моего вмешательства. Пророческий дар сказал, что мой братик изменится в лучшую сторону — найдёт престижную работу, перестанет цапаться со всеми и искать лёгкие пути. Хорошо ведь.

А с мамой всё обстояло намного сложнее. К ней в голову я лезть не хотела. Я её десять лет не видела и даже не интересовалась, как она живёт. Она забыла обо мне, а я — о ней. Мы обе виноваты, и теперь непонятно, имеет ли смысл это исправлять.

Магия перенесла меня на лестничную площадку — к двери родительской квартиры. За этой дверью я выросла. Там я плакала, обижалась на всех и обрастала комплексами. Оттуда я хотела сбежать и сбежала сразу же, как только закончились школьные годы. Для меня ничего хорошего за этой дверью никогда не было. Странное чувство — столько лет прошло, а я по-прежнему не хочу снова открыть эту дверь и переступить порог. Так и стояла в нерешительности, подняв

руку к дверному звонку, пока дверь не открылась сама, и на пороге не появился незнакомый мужчина лет пятидесяти пяти.

– Здравствуйте, – удивлённо моргул он. – Вам кого?

– Маму, – ляпнула я первое, что пришло в голову, и добавила: – Я Эля.

– Эля? – переспросил он. – Дочка что ли?

– Ну да, – кивнула я.

– Ну так мама твоя уже три недели как на кладбище. Опоздала ты, дорогуша, – сообщил он.

– Как на кладбище? – нахмурилась я. – Ко мне Володя приезжал месяц назад. Всё нормально вроде было.

– Месяц назад было, – подтвердил мужчина. – А потом был несчастный случай. Ты извини, но я тороплюсь. С братом связь поддерживаешь, вот с ним и разговаривай. А я за последними вещами заезжал. Можешь передать ему, что никаких претензий я на вашу квартиру никогда не имел. На вот, отдашь наследнику.

Он сунул мне в руку ключи от квартиры и торопливо сбежал вниз по лестнице. А я стояла как громом поражённая. Мамы больше нет, а Вовка не счёл необходимым даже сообщить мне об этом. Вот почему он не появлялся повторно в Мизгиревке и не донимал меня – он унаследует мамину квартиру, а больше ему ничего и не надо.

В квартиру я заходить не стала – не смогла. Оставила ключи соседке и заодно выяснила, как произошла трагедия. Если

честно, то я первым делом на Вовку подумала – с него станет. Но нет, мой брат к смерти матери никакого отношения не имел. Она на работе погибла. Зашла на склад накладные отдать, а там с автопогрузчика какие-то коробки тяжёлые на неё упали. Виновника уже уволили, он под следствием.

Я была на кладбище – постояла немного у свежей могилы, размышляя о том, как жестоко обошлась с нами судьба. Отца решила не навещать – у него своя жизнь. Если бы захотел общения со мной, нашёл бы способ связаться. Вовка же нашёл.

Вовка, кстати, звонил мне. Телефон я вместе с бездонной сумкой с собой взяла, чтобы Власов ненароком не выпустил Белену или анчутку. Я как раз собиралась уйти с кладбища, когда услышала звонок. Ответила. Поговорили. Братик раз сто, наверное, извинился передо мной за гадости, которые успел сделать мне за всю жизнь. И про маму рассказал. А я сказала ему, что и так уже всё знаю. Не знала только, что она завещание составила на его имя – как будто предчувствовала, что умрёт. Или для того, чтобы он перестал донимать её насчёт квартиры. Да какая теперь разница?

Больно. А что поделаешь? Посидела на лавочке у кладбищенских ворот, поплакала. Подобрала увядшую хризантему, начала обрывать на ней лепестки... И благодаря провидческому дару всплыло всё, чего мне уже не исправить.

– Хозяйка, беда! – встретил меня Нефёд, когда я снова очутилась в мансарде нашего с Власовым дома в Мухино.

– Ещё одна? – с кислой миной спросила я. – И какая на этот раз?

– У кошек блохи! – сообщил он с таким видом, будто извещал меня о том, что на дом вот-вот свалится огромный метеорит.

– А разве не ты у нас тут домовый, которому положено гонять мышей и насекомых? – осведомилась удивлённо.

– Ну так я и гоняю, – развёл он руками-лапками. – Я их прогоняю, они уходят, а потом Муха и Батон выходят погулять и снова приносят эту орду на себе в дом. Это ж не домашние вредители, а звериные. У меня над ними власти нет.

Вот что это – проблема или мелкая неприятность? Для меня второе, а для домового – вообще катастрофа. Его не столько шокирует, что блохи по дому скачут, сколько то, что они пушистых любимцев грызут.

– Пф-ф-ф... – шумно выдохнула я, надув щёки. – Ладно, пойдём мыть кошек.

– Мыть?!

Я и забыла, что водные процедуры вызывают у Нефёда приступы паники. Кошки тоже не особенно любят купаться, но других быстрых способов избавления от блох я не знаю. Магией если только, но к колдовству представители семейства кошачьих тоже относятся далеко не восторженно.

– Хорошо, попробуем договориться с блохами, чтобы они

наших котов не трогали, – предложила я Нефёду другой вариант решения проблемы.

Пошутила, конечно. Я ведьма, да, но блохам это до фонаря. У них интеллекта не больше, чем у табуретки. А Нефёд поверил. Приволок ко мне в мансарду сначала Муху, а потом и Батона – договаривайся, мол. И при этом так доверчиво на меня смотрел, что мне аж стыдно стало. Добыла с помощью блюда спрей от блох, резиновые перчатки и пару ошейников, обработала зоопарк, а потом прояснила ситуацию.

– Либо магия, Нефёд, либо химия. Других способов просто не существует. Теперь имеющиеся блохи сдохнут или разбегутся, а новые какое-то время приставать к нашим кошкам не будут. Но лучше бы мы их всё-таки помыли, правда. Так быстрее было бы.

Оставила беднягу сокрушаться над тем, что от его друзей теперь воняет, а сама спустилась вниз, чтобы выбросить перчатки и вымыть руки. Знала, что Власов непременно заметит изменения в моём настроении, поэтому сообщила сразу:

– Мама умерла три недели назад. Соболезнований не надо.

– Почему? – нахмурился он.

– Почему умерла? – уточнила я. – Несчастный случай на производстве.

– А насчёт соболезнований?

Я в ванной вымыла руки, вытерла их, прошла в кухню, включила чайник, села за стол и только после этого снизошла

до объяснений.

– Белена как-то говорила, что все мои жизненные проблемы происходят из душевной пустоты, которая предназначена для магии. Якобы из-за этого дара я выросла несчастной, никчёмной и лишённой родительской любви. Знаешь, она была почти права. Раньше я не понимала ничего, а теперь хватает способностей, чтобы во всём этом разобраться. Моя пустота, Толя – это не дар. Это предназначение. Я знаю это потому, что теперь обладаю способностью видеть прошлое и будущее. Ты тоже имеешь право это знать, и о нашем с тобой будущем я скажу немного позже, а сейчас расскажу немного о прошлом, которое тебя не касается. Если ты, конечно, не против. Мне просто нужно сказать это кому-то, иначе правда сведёт меня с ума.

Он был не против, и я рассказала ему то, что увидела, когда редела возле кладбища, бездумно обрывая лепестки на увядшем цветке хризантемы. Моему провидческому дару не нужны карты – необходимы только цель и простые действия, через которые можно сбросить лишние эмоции. Хризантема вполне сгодилась для того, чтобы разум раскрылся, и внутренний взор отыскал причину моих неправильных отношений с родственниками.

Меня вообще не должно было быть. Отец завёл роман на стороне и ушёл из семьи. Подал на развод. Мама вернула его приворотом. Она не была ведьмой. И она не знала о последствиях приворотной магии то, что знаю я. Она нашла

какую-то тётку, которая дала ей «рецепт семейного счастья», завязанный на кровной магии. Это сложная магия, нехорошая, но действенная. А последствий у неё – хоть отбавляй. И общий ребёнок, рождённый после приворотного ритуала, нужен как вытяжка для слива всего негатива, положенного в наказание за такое колдовство. Я родилась не для того, чтобы меня любили. Мама забеременела мной только потому, что хотела защитить семью от последствий своих же желаний.

– Её предупреждали о том, что ребёнок будет бельмом на глазу для обоих родителей, но его придётся растить и воспитывать в семье. Кормить, одевать, дать образование, проявлять внимание и родительскую заботу. Они вырастили меня, воспитали, а потом отправили в институт и забыли. А Вовка просто видел их отношение и думал, что тоже имеет полное право меня не любить.

– И твоя мать пошла на это всё осознанно? – недоверчиво спросил Власов.

– Представь себе, да, – грустно усмехнулась я. – Оказывается, бывает и так. Я в лепёшку готова была разбиться ради хотя бы капли родительской любви, но, как выяснилось, не для того меня родили. Моё предназначение и жизненный путь были обозначены заранее.

– Элька, ну так не бывает, – возразил Толя, безуспешно пытаясь отыскать в бесчеловечном поступке моей матери хоть что-то человеческое.

Я вздохнула и ответила:

– Бывает, любимый. Недавно я вырвала тебя и сына из своего сердца, потому что не хотела страдать. Это не то же самое, но из той же оперы. Люди способны на многое ради своих желаний.

– Но ведь твои родители всё равно развелись, – напомнил он.

– Угу, – кивнула я. – Развелись. Это пожизненная магия, но отец два года назад пережил клиническую смерть, и все магические настройки слетели. У него аневризма в голове была большая, операцию делали, и что-то там пошло не так. А после этого приворот действовать перестал на обоих. Папа уже не хотел ничего в своей жизни менять, но маме он надоел, поэтому они и разошлись. Возможно, её смерть не была естественной. Последствия приворотной магии долго могут сказываться.

– У меня это всё в голове не укладывается, – признался Власов. – Получается, ты всю жизнь была несчастной только для того, чтобы были счастливы они?

– Именно так, – подтвердила я. – И безмагическая пустота в моей душе была дана мне для того, чтобы туда с моих родственников стекало всё магическое. Как в выгребную яму. А когда приворот перестал действовать, поток прекратился, и пустота осталась в моём личном пользовании. Я тогда уже замужем за Демидом была. Думаю, Назар Никулин видел, что с моим даром что-то не так, поэтому и осторожничал до поры. Мерзко это всё, Толя. До такой степени мерзко, что я даже

скорбеть об утрате не буду. И мне даже плевать, раскаялась в итоге мама в том, что сделала со мной, или нет.

Он долго молчал, переваривая услышанное. Мне тоже было непросто принять такую истину. Иногда мамочки рожают детей, наивно полагая, что это поможет им сохранить разваливающуюся семью. Это глупо, но так бывает. А моя мама зашла гораздо дальше в своих стремлениях. Она заведомо сломала мою жизнь, чтобы наладить свою. Обидно, что уже нельзя просто посмотреть ей в глаза. Я бы даже спрашивать не стала ни о чём. Хотелось бы просто заглянуть ей в душу, чтобы поближе познакомиться с тьмой, способной толкать людей на подобные поступки.

– Мирон звонил, – сообщил Власов только для того, чтобы нарушить гнетущую тишину.

– Предлагал возобновить партнёрство? – догадалась я. – Не соглашайся. Ваши отношения скоро очень сильно испортятся из-за Артура. Я намерена отвадить этого козла от Лесного раз и навсегда.

– Тогда, может, расскажешь уже о нашем будущем? – предложил Толя и напомнил: – Ты обещала.

Глава 5. Сюрприз

– Помнишь омут в речке у Лесного, где Демид пытался утопить джип с ранеными Серёжкой и Виталиком внутри? Там на берегу полянка есть. Очень красивое место. На этой полянке мы с тобой очень скоро построим дом и будем жить там до глубокой старости. Сейчас у нас есть только Владик, но года через четыре появится ещё и дочка. Ты помолодеешь, и возраст уже не будет смущать тебя, как сейчас. А я изменюсь до неузнаваемости. У нас будет другая фамилия. Другие имена. Никто не будет знать, что это мы. Нам придётся начинать новую жизнь с нуля, но мы справимся. Всё у нас будет хорошо. Но в ближайшее время всё будет очень сложно, поэтому тебе придётся собрать в кулак всю свою волю и терпеть мои выходки, если обрисованное мной будущее тебе подходит.

– Звучит странно, – озвучил своё мнение Власов. – А если не подходит?

– Тогда будет всё то же самое, но уже в другом месте и без меня, – честно призналась я. – Понимаешь, дело в том, что я своё будущее не вижу. Я видела только кусочек твоего, но во сне, а не в видениях. Дом, помолодевший ты, подросший Владик, овчарка на цепи и беременная блондинка, которую ты целуешь. У меня нет уверенности, что это я. И я не знаю, где будет стоять тот дом. Но я в силах сделать так, чтобы это

будущее стало нашим.

– Колдовством и молодильными яблоками? – уточнил он.

– Да, – ответила я.

– А по-человечески не получится?

Ну вот как ему объяснить, что по-человечески у нас получится только по разным углам разбежаться?

– Не получится, Толенька. Я не буду тебе сейчас врать, потому что ложью путь вымощен туда же, куда и благими намерениями. Ты спрашивал, могу ли я сделать что-нибудь, чтобы ты не боялся магию. Вариантов несколько. Первый и самый простой – я или Фрося покопаемся в твоей голове и внушим скептическое отношение ко всему, что касается колдовства. Я буду врать тебе, что не ведьма, и прятать всё магическое, включая нежить. Для тебя мир магии перестанет существовать, а для меня он станет тайной жизнью. Второй вариант – молодильные яблоки. Вместе с возрастом они отнимут память и все страхи, нажитые за определённый срок. Тебе будет сложно, потому что кусок жизни просто исчезнет, но я помогу это пережить. Я объясню, куда пропали твои годы. Буду рядом и останусь собой, но тебе уже не нужно будет бояться.

– Интересно, как ты собираешься мне это объяснять? – криво усмехнулся он.

– Да просто, – ответила я. – Расскажу правду. Страх появляется тогда, когда человек проходит через опасность, переживает её и чувствует, а у тебя будут только мои слова. В

тридцать лет ты уже работал на Олега Карпунина и знал, что он помешан на колдовстве. Тогда тебя это сильно смущало? Ты чего-то боялся?

– Нет.

– А верил в магию?

– Ну так, относительно, – поморщился он.

– Ну вот. Значит, откровением для тебя это не станет. Так и ты будешь жить дальше с правдой, но уже без страха, и мне не придётся прятать от тебя свою суть.

– А беременная блондинка откуда возьмётся?

– Если я могу Карпуниных в полосатых кабанчиков превратить, думаешь, со своей внешностью не справлюсь? – улыбнулась я. – Я уже была блондинкой недавно, ты просто этого не видел. А твоё бесплодие превосходно лечится природной магией.

Он снова поморщился и спросил:

– А третьего варианта нет, я правильно понимаю?

– Есть, – возразила я. – Смерть. Мёртвые колдовства не боятся. Если дашь время подумать, я ещё что-нибудь изобрету, но второй из вариантов мне кажется наилучшим. Так и правда останется правдой, и тебе будет легче её принять, и мы будем вместе, и о нашей с тобой разнице в возрасте переживать уже не придётся. У нас даже документы на другие имена будут настоящие, я найду способ их получить.

– Но я ведь забуду, что люблю тебя, – заметил Толя.

– Да. Забудешь, – подтвердила я. – В этом для меня есть

определённый риск. Но я предпочту отпустить тебя, чем видеть, как рядом со мной ты медленно сходишь с ума. Подумай. Времени у тебя навалом. Мне ещё надо отбить у Артура интерес к Лесному и закончить другие важные дела, поэтому сейчас я в тебе точно ничего не буду менять. Даже не проси. Владику нужен хотя бы адекватный папа, потому что мама в обозримом будущем будет очень занята.

Тяжёлый получился разговор, но я и не обещала Власову, что со мной ему будет просто. Пусть думает и сам решает, какого будущего он хочет. Уйдёт – отпущу. Останется – буду любить и оберегать в меру своих сил.

Я ничего не сказала ему о том, что воевать мне предстоит не только с Артуром Карпуниным за кусок земли, но и с чёрной ведьмой – за нашего сына. Власову не нужно это знать. Он сочтёт своим долгом помочь мне и может пострадать, а я этого не переживу. Ко мне вернулась не только любовь к нему и Владику, но и материнская связь с ребёнком, которая позволяет Марии черпать природную магию в полном объёме. Этой стерве не нужно, чтобы поток снова ополовинился, поэтому она не будет к нам лезть, но этому в принципе нужно положить конец. Я не смогу дышать полной грудью и думать о счастье, пока не упокою её.

– Может, мне просто к психологу сходить? – предложил Власов ещё один вариант.

– К психиатру тогда уже сразу, – ответила я на это. – Психолог всё равно тебя туда отправит, поэтому можешь не тра-

тить на него время и деньги. Мы с тобой сегодня в администрацию поедем насчёт прописки, или на завтра это перенесём? Мне просто ещё в одно место метнуться надо, и я не знаю, сколько времени это займёт.

– Поедем, – кивнул Толя.

И мы поехали. Сначала пили чай и ждали пробуждения сына, а потом погрузились в машину и дружно покатали в «сельсовет». Там нам вежливо объяснили, что мы морально устарели, и у территориальных администраций уже давно нет права вести регистрационный учёт граждан. Я начала спорить по этому поводу – Владiku пять месяцев назад свидетельство о регистрации по месту проживания выдали в этой самой администрации. И мне тогда же в паспорт штамп о прописке поставили. В ответ на это сотрудница позвала главу, и они дружно заявили, что не знают, кто и на каких основаниях нас регистрировал. Это было уже верхом наглости. Власов буквально вытолкнул меня на улицу, поскольку я собралась рвать и метать.

– Да просто съездим в Вырвинск в МФЦ, не надо тратить на них нервы, – ворчал он, запихивая меня в автомобиль.

– Нет, ну так ведь нельзя! – возмущалась я. – Получается, у нас прописка недействительная была?

– Да какая разница? Мы все в Тамбовской области сейчас прописаны, и там тоже не в селе это делали, а в Мичуринске. Эля, уймись, пожалуйста. У тебя уже искры из глаз сыпятся. Ты меня пугаешь.

Эти его слова немного меня остудили – Власову и так нелегко, а если я обрушу на Мухино гром и молнии, станет ещё хуже. Мне саму себя бояться впору. Оставалось надеяться, что хотя бы в Вырвинске меня никто не разозлит. Я всю дорогу на это надеялась и выдохнула с облегчением только тогда, когда мы сдали документы в МФЦ и вышли на улицу.

– Мороженку или торт? – заботливо спросил Толя.

– Ведро валерьянки, – проворчала я, чувствуя себя как-то странно.

– Ого! Какие люди! – прозвучало сбоку.

Я повернулась на голос и удивлённо уставилась на Антона Лопатина, с которым ну никак не ожидала встретиться в Вырвинске. Вот она – причина моего неправильного самочувствия. А в голове только одна мысль появилась: «Господи, только бы он ближе не подошёл, иначе произойдёт катастрофа».

– Привет, – произнесла неуверенно. – Познакомься. Это мой муж Анатолий и сын Владик. Толя, это Антон Лопатин. Тот самый, с которым я тебе два раза изменила.

Не знаю, как вырвалась последняя фраза, но слов уже не вернёшь. Лицо Антона побелело и вытянулось, а Власов проявил феноменальную выдержку и спокойно спросил у моего любовника:

– Ну и как? Понравилось?

Я готова была сквозь землю провалиться. Лопатин пробормотал что-то невнятное и предпочёл уйти, пока дело не

дошло до скандала. Власов открыл заднюю дверь автомобиля, чтобы я поудобнее устроила сына в автолюльке, а потом подал руку, помогая сесть мне. Просто верх обходительности! У меня со стыда, кажется, даже ладони покраснели.

– Толя, прости, – умоляющим тоном попросила я, когда он сел за руль и повернул ключ в замке зажигания. – Это как-то само вырвалось.

– Если скажешь, что чёрт за язык дёрнул, я поверю, – невозмутимо отозвался он. – Всё нормально, забудь.

У него с самоконтролем нормально всё, он может не показывать истинных эмоций, но я-то его знаю. Я чувствовала, что он в ярости. Ну вот почему Лопатину приспичило встретиться на нашем пути именно сейчас, когда всё так сложно? Каким ветром его занесло в Вырвинск? Его не должно здесь быть! Ещё и я растерялась. Ляпнула первое, что пришло на язык, а надо было следить за словами.

– Толь...

– Эля, не надо. Не трогай меня сейчас, хорошо? Просто помолчи.

Вот так. Ревность при взаимных чувствах – оружие обоюдоострое. Больно всем. Но я хотя бы не встречалась с Майей, а Власова с Лопатиным познакомила в такой вот оригинальной форме. Ему сейчас намного больнее, чем мне.

Всю дорогу до Мухино мы молчали. В посёлке заехали в супермаркет за продуктами, и Толя купил бутылку виски. Он не пьёт. Я никогда его пьяным не видела. Но в этот вечер

пришлось. Это страшно – смотреть, как любимый человек напивается до беспамятства для того, чтобы заглушить боль, причинённую тобой. Он не буянил и не высказывал претензий – просто молча пил без закуски, а потом ушёл в спальню, упал одетым на кровать и отключился.

У меня в телефоне был записан номер Лопатина, и я сочла своим долгом выяснить, почему наши пути снова пересеклись. Убедилась, что Власов крепко спит, попросила Фрося присмотреть за Владиком, закрылась в кухне и позвонила Антону.

– Какого чёрта ты делаешь в Вырвинске? – спросила сразу же, как только он ответил на звонок.

А у него-то моего номера не было. Он не сразу понял, кто звонит. Соображал секунд двадцать, после чего наконец-то поинтересовался:

– Эль, ты нормальная? Обязательно нужно было наше с тобой исподнее посреди улицы на всеобщее обозрение выставлять? Я вообще-то тоже не один был.

А, ну да. Гражданская жена. Как я могла забыть? Видимо, она была где-то неподалёку, раз уж Антон так разозлился.

– Я задала тебе вопрос, – сухо напомнила я. – Что ты делаешь в Вырвинске? Ответь, будь любезен.

– Могу спросить то же самое, – раздражённо отозвался он.

– Я здесь живу, – ответила я. – У нас дом в Вырвинском районе.

– А у меня, представь себе, здесь работа появилась, – язви-

тельно ответил Лопатин. – По какому праву ты вообще мне допросы устраиваешь? Я перед тобой отчитываться не обязан.

– И где конкретно у тебя работа? – осведомилась я, проигнорировав его последнее замечание. – Не в урочище ли Лесное тебя позвал некто Артур Карпунин изучать особенности жизни муравьёв на месте прошлогоднего лесного пожара?

В динамике повисла долгая пауза, после чего прозвучал вопрос:

– А если и так, то что?

– Да ничего, – ответила я. – Просто спросила, чтобы знать, где с тобой можно столкнуться, и избегать таких мест. Лесное километрах в десяти находится от нашего посёлка Мухино. Слышал о таком?

– Мухино? – переспросил он. – Мне в Мухино служебное жильё предоставили, я сегодня временную прописку ездил оформлять.

– Супер! – скривилась я. – Только этого мне и не хватало для полного счастья.

– Если бы ты не трепалась о нашем интиме налево и направо, не пришлось бы и переживать, – огрызнулся он и завершил звонок.

Вот что ни день, то какой-нибудь сюрприз. В этот раз их сразу два привалило – сначала правда о моём появлении на свет, а теперь ещё и Лопатин. Но не могла же я соврать Вла-

сову. Должна же была объяснить ему, что за мужик боро-
датый со мной так фамильярно на улице здоровается. Про
измены могла промолчать, конечно, но я же уже рассказала
ему, кто такой Антон Лопатин. Одного имени хватило бы,
чтобы всё на свои места встало. А теперь Толя наверняка
будет думать, что Антон притащился за мной в надежде на
продолжение наших внебрачных отношений. Или не будет –
не знаю. Ему явно плохо, и виновата в этом я. Вопрос – как
теперь выкручиваться? Лопатин не уедет, у него работа. Я
тоже не уеду, пока не расквитаюсь с Марией. Чёрт с ним, с
лесом – мне семью надо спасать. Был, конечно, вариант по-
просить Фросю, чтобы она аккуратно убрала воспоминания
Власова об этой неожиданной встрече, но тогда придётся ис-
кать объяснение его желанию напиться в стельку. И что де-
лать?

– Спи до утра, – приказала я мужу.

Прodelала то же самое с сыном. Попросила Фросю и
Нефёда присмотреть за ними, а сама сунула волшебное блю-
до в бездонную сумку, которую закинула на плечо, и вос-
пользовалась магией перемещения для того, чтобы попро-
сить совета у единственного человека, который способен хо-
тя бы выслушать меня без истерики.

Глава 6. Ночные гости

Я не знала, где живёт Клавдия Никитична, поэтому не могла задать магии точные координаты. Указала не адрес, а объект – не слишком культурно материализовываться без предупреждения в чужом жилище, но у меня выбора не было.

– Етить! – удивилась старушка моему появлению.

Я ловко увернулась от летящей в голову сковороды и сочла необходимым поздороваться.

– Добрый вечер, Клавдия Никитична. Извините, что напугала, но у меня к вам есть очень важный разговор. Точнее, мне нужна ваша помощь.

– А через дверь войти, как нормальный человек, не могла что ли? – осведомилась она грозно. – А ежели б у меня инфаркт с перепугу случился? Соображать надо!

Она жарила оладьи. На столе стояла большая тарелка, с горкой наполненная ароматными оладушками, а сковорода, встречи с которой я очень удачно избежала, оказывается, была ещё и горячей.

– Бабушка, а с кем ты... – выглянула из комнаты Люська, увидела меня, нахмурилась сердито и хлопнула дверью.

– Она что, до сих пор дуется из-за волшебной палочки? – удивилась я.

– Из-за чёрта лысого, которого ты забрала, – ответила

Клавдия Никитична и махнула рукой в сторону табуретки у стола. – Сядь, не мешайся под руками. Сковороду теперь мыть из-за тебя ещё.

– Это был не чёрт, а мелкий бес, – внесла я поправку. – Черти крупнее и выглядят по-другому.

– Да какая разница? Она мне уже плешь проела этим чертёнком. Вынь да положь если не того самого, то такого же. Сама пыталась наколдовать, так соседку до полусмерти напугала. Машка и так наш порог уже переступать боится, а теперь ещё и черти по квартире скачут. Ты зачем явилась-то? Хоть бы предупредила, я б чего попримичнее испекла. Пирогов, к примеру. А к оладьям даже сметаны нет, варенье только.

– Да не надо из-за меня суесться, спасибо, – поблагодарила я. – Сметану я, кстати, могу обеспечить, если нужно. А не предупредила потому, что у меня ни адреса вашего нет, ни телефона.

– Так у Антона спросила бы. Вы ж вроде обменивались контактами.

«У Антона, блин. Черт бы его побрал, Антона этого», – подумала я, а вслух ответила:

– Вот насчёт Антона я и пришла поговорить. У него из-за меня проблемы. А у меня – из-за него. И я не знаю, как выкрутиться, чтобы никому не навредить.

– Это какие такие у него проблемы? – недоверчиво сощурилась она.

– Ох... – многозначительно вздохнула я и начала долгий рассказ.

Предысторию опустила, поскольку она к делу не относилась, а большую часть Клавдия Никитична уже знала из нашего предыдущего разговора на мизгирёвском кладбище. Рассказала только только последние новости, которые касались моей сделки с Марией. Не сказала, правда, о том, что Мария до сих пор энергией моего сына пользуется – я же вроде как не должна об этом знать. Клавдия Никитична внимательно меня выслушала, не отвлекаясь при этом от плиты и сковородки. Где-то на середине моего повествования в кастрюльке закончилось тесто, и старушка, вымыв посуду, тоже уселась за стол. Ни разу не перебила меня и ни о чём не спросила, пока я не выдохнула обречённо:

– Вот такие вот пироги, Клавдия Никитична. Я не знаю, что мне делать. И уехать не могу, и оставаться теперь страшно.

– А чего страшно-то? – наконец-то подала она голос. – Боишься, что два мужика из-за тебя передерутся?

– Боюсь, что Толя окончательно сломается, – призналась я. – Я таким его не видела никогда. Он даже в самые тяжёлые моменты на ногах твёрдо держался, а сейчас ему и на ровной поверхности шатко. Я не хочу, чтобы ему ещё больше было, понимаете?

– Понимаю, – кивнула старушка. – Только ты сама для себя реши сначала, что важнее. То у тебя семья на первом ме-

сте, то разборки какие-то. Я аж запуталась. Чего-то ты мне, милая, не договариваешь.

— Угу, — кивнула я. — Есть такое. Но вам это знать не нужно, это моя личная боль в копчике.

— Ну и не говори, раз не нужно, — разрешила она. — У меня и так от твоих откровений голова пухнет. Это что же получается? Ты нашего Антошку на своего сына обменяла, и эта гадюка теперь из него кровь пьёт?

— Не кровь, а природную силу, — поправила я. — Она ведь не упырь, чтобы кровь пить. И не из него, а через него. Он это даже не ощущает, и вреда ему никакого нет.

— А сынишке твоему был?

— Тоже не было.

— А тогда зачем ты обмен-то этот сделала?

— А вы на моём месте не сделали бы? Антон мне чужой человек. Он взрослый мужик. А Владик...

— Да поняла я, поняла, — махнула она рукой. — Своя рубашка к телу ближе. Ешь оладьи, пока не остыли. И помалкивай, пока Люська есть будет. Не надо ей ничего этого знать, мала ещё.

Клавдия Никитична поставила на стол передо мной пиалу с клубничным вареньем и ушла звать правнучку за стол. Я слышала, как они спорят — Люська вредничала, а старушка спокойно объясняла ей, что даже обиженные феи так некрасиво себя не ведут. На переговоры ушло минут пять, после чего девочка всё-таки изволила сесть за стол, но при этом

она такие взгляды в меня метала, что я подсознательно на всякий случай выстроила защитное поле.

– Ешь, заноза, – поставила Клавдия Никитична варенье и перед ней тоже. – Спать уже давно пора, а ты никак капризничать не перестанешь. Скорее бы уже мама твоя приехала, а то сил никаких не осталось.

Люся в ответ на эти слова упрямо выпятила нижнюю губу, скрестила руки на груди и отвернулась от стола.

– Ну и сиди голодная, – устало махнула прабабка на неё рукой. – Уговаривать больше не буду. У тебя десять минут. Если не поешь, до завтра ничего не получишь.

– Ну и не надо! – бросила ей Люська, слезла с табуретки и снова скрылась в комнате.

– Вот так вот у нас, Эля, – грустно улыбнулась мне старушка. – У тебя свои беды, а у меня, как видишь... И поплакаться тоже некому. Ладно, проехали. Я чего сказать-то хотела... А, вспомнила! Не сказать, а спросить. Что ты там про посредника говорила, который злыдне этой нужен?

– Ведьма или колдун с полным или хотя бы частичным доступом к природной магии, – напомнила я. – Такой дар не очень часто встречается, обычно просто колдовская сила есть, но в вашем роду он был. Марии надо найти такого человека, склонить к сотрудничеству и обучить по необходимости.

– А это сложно?

– Что именно? – уточнила я. – Настроить передачу магии?

– Ну да, – кивнула она. – Я такое смогу?

– А вам-то это зачем? – удивилась я.

– А есть у меня одна знакомая ведьма, – усмехнулась Клавдия Никитична. – У ней дар вроде моего, только по-сильнее. И мы родственницы, но очень дальние. А других с природной силой у нас в роду точно нет. Всех, кого мизгирёвские ведьмы посчитать забыли, Шабаш давно учёл. Я их поимённо знаю.

– То есть Мария в первую очередь на эту вашу родственницу попытается выйти, – догадалась я, к чему она клонит.

– Угу, – подтвердила старушка. – Надо, чтобы именно на неё и вышла. Антон в рубашке родился, его трогать нельзя. Совсем никак нельзя, никаким колдовством. За такие дела Шабаш очень сурово наказывает, а эта моя родственница там не последний человек.

– Но Серафима же тоже пользовалась через него природной силой, – вспомнила я предыдущую владелицу артефакта, найденного мной в подполе дома Лопатиных.

– Даже если и пользовалась, с упокоенных ведьм спроса уже нет. А с неупокоенных есть. Только факт колдовства сначала подтвердить надо. Законов у Шабаша хоть и не очень много, но бюрократия там та ещё. Вот если бы Мария этого надо на свою сторону сманить попыталась и сделку заключила, тогда ей точно не отвертеться было бы, будь она хоть трижды чёрная и четырежды могущественная.

Я задумалась, пытаюсь выудить из собственных знаний

всё, что знаю о Шабаше. Это общее, но добровольное собрание ведьм и колдунов. Проводится четыре раза в год в первую неделю сезона – в марте, июне, сентябре и декабре. Иногда бывают внеочередные сборы, но только по каким-либо особенным поводам. Есть организатор, который отвечает за все мероприятия – должность выборная, замещается путём открытого голосования. Есть суд – судей всегда шесть, и они назначаются жеребьёвкой. Суды созываются только при наличии жалоб, они не регулярные. Есть Совет – тоже избирательный орган, куда можно обратиться с вопросом или просьбой. По сути Совет решает всё – там назначаются и упраздняются разные временные должности, регистрируются новые участники Шабашей и ведётся учёт всего, что только можно учитывать. Тайной информации ни для кого нет, всё предельно доступно и открыто. Вот, пожалуй, и всё, что мне было об этом известно. Совсем мало.

– А можно как-то ознакомиться с законами Шабаша? – спросила я у собеседницы. – Я просто юрист по образованию, это моя тема. Интересно.

– А кто их когда скрывал? – удивилась Клавдия Никитична. – Я, правда, дословно не помню, стара уже. Да и не была там давно. Если что изменилось, то я и не знаю даже.

– А почему не были?

– Да дорого это очень, – огорошила она меня неожиданным ответом. – Там же как? Утром сбор, трёп и хвастовство, днём суд, а вечером попойка. И так всю неделю. Проезд за

свой счёт, гостиница из своего кошелька, за еду плати, за выпивку отстёгивай... Мне на одну такую неделю полгода пенсию надо копить. А ежели приехал, то до последнего дня оставаться должен. Раньше уехать нельзя.

– Почему?

– А это за неуважение будет считаться. Во-первых, другие потом заплуют при встрече, а во-вторых, ни в Совет, ни в суд уже не попасть будет. Жребий тянуть не разрешат просто. И смысл туда ездить, когда так?

Я усмехнулась своим мыслям по данному поводу и поинтересовалась:

– А где Шабаша проводятся?

– То на Кудыкиной горе, то на Лысой, – пожалала старушка плечами. – Но это образное название. Как метафора. Места всегда разные. За месяц участникам приглашение приходит, и там указано, куда ехать надобно. Я в последний раз аж в Сочи каталась лет десять назад. Приехала, на цены в гостинице посмотрела, развернулась и уехала. Меня с тех пор и не зовут больше. Только деньги на поезд зря потратила. И ведь с пересадкой ещё, с переплатой...

– Я бы съездила, – призналась я. – Вот честно. Просто посмотреть, что это такое, раз уж меня это коснётся так или иначе. Это ведь через две недели получается?

Клавдия Никитична спросила, какое сегодня число, закатила глаза, подсчитала в уме даты и подтвердила:

– Ну да. Через понедельник. Чуть меньше двух недель по-

лучается. С родственницей я насчёт Антошки переговорю непременно, а заодно приглашение для тебя попросить могу. И свод Законов, если надо.

– Надо, – уверенно кивнула я. – Но насчёт Антона не говорите пока ничего. Просто скажите, что я хотела бы принять участие. Я дальше сама разберусь.

– Сама, сама... – проворчала она в ответ. – Ты сама вон чего уже наделать успела. Ведьмой без году неделю ходишь, а врагов нажила таких, что и во сне назад оглядываться надо. Нет уж, милая моя. Про Антона я сама всё скажу и объясню, откуда ты такая на нашу голову свалилась. Только после этого сведу вас, а дальше уж ты и правда сама справляться будешь. И ответ за ошибки сама держать станешь, и проблемы свои решать. Но у меня встречная просьба есть, это не задаром тебе обойдётся.

– Всё, что угодно, – с готовностью ответила я.

Она только головой сокрушённо покачала.

– Вот ведь торопыга-то! Ещё не выслушала, о чём речь, а уже соглашается. Отсюда и беды все твои.

– Я в курсе, – поморщилась я. – Ничего не могу с этим поделать, характер у меня такой. Бегу, спотыкаюсь, падаю, набиваю шишки, клянусь не бегать и снова бегу. Так что за просьба?

– Дед мой на даче ногу подвернул. Мне б съездить к нему, полечить, а Люська капризничает. Возьми её к себе на несколько дней, а? У тебя дом большой, простор, домовая

с кикиморой... Может, помириться заодно. Волшебству какому простенькому и доброму её научишь. А я спокойно к деду съезжу. Только за ней глаз да глаз нужен, а то такого нафеячит, что не разгребёшь.

– Серьёзно? – не поверила я своим ушам. – Вы же сами только что про моих врагов вспоминали. Куда мне Люську?

– А ты за неё не бойся, она себя в обиду не даст, – уверенно заявила старушка. – Это от неё твоих врагов спасти придётся, ежели чего. Ты мультики эти новые про Машеньку и медведя смотрела? Ну вот Машенька эта Люське моей и в подмётки не годится. Она не со зла хулиганит, по незнанию и непосредственности детской, но так, что и у меня порой волосы дыбом встают. Надо будет наставника ей поискать толкового, а то я не справляюсь. Уж очень рано дар у ней пробудился. Пять лет! Ума нет ещё, а фантазию в нужное русло направить некому. Ну так что? Поможешь?

– Ведьма ведьме сделку предлагает, – улыбнулась я. – Добром это редко заканчивается. А если мы гулять пойдём и с Антоном встретимся? Я как ему это объяснять буду?

– А никак, – пожалала Клавдия Никитична плечами. – Это не его ума дело. Он Люсю побаивается, хоть и не признаётся. Отнимать её у тебя точно не станет.

– М-да... – поморщилась я. – Осталось придумать, как я объясню это всё своему мужу. Ладно, по рукам. Мне прямо сейчас её забрать?

Старушка обрадовалась моему согласию и попыталась

уговорить Люську отправиться ко мне в гости, но девочка упрямо твердила, что я злая. Они даже немножко поссорились. Пришлось вмешаться и пообещать будущей гостье, что в моём доме я разрешу ей немного поиграть с анчуткой. И с домовым. И с кикиморой. Представила, как на это отреагирует Нефёд, ужаснулась, но раз уж дала ребёнку обещание, придётся его выполнять. Детей нельзя обманывать, особенно таких необычных. Они очень чувствительные к обману. Ведьмы вообще ко всему чувствительные – я это по себе знаю.

– Ну? Идёшь? – заговорщицки подмигнула пятилетней ведьмочке.

– Пешком? – скептически скривилась она. – Ночью?

– Магией, – улыбнулась я в ответ и в целях демонстрации того, как это работает, мгновенно переместилась от двери комнаты в дальний угол к балкону. – Вот так.

– Ва-а-ау... – восторженно выдохнула Люська. – А меня так научишь?

– Вот уж нет! – нервно возразила Клавдия Никитична. – Эля, только не это! Пусть лучше комнатные растения оживает и чертей плодит.

– Не волнуйтесь, ничему опасному мы учиться не будем, – пообещала я и протянула Люське руку.

Через пару мгновений мы с ней материализовались в спальне дома в Мухино. Люська взвизгнула от восторга, начала прыгать и хлопать в ладоши. Власова и Владика мой

магический приказ отправил в спячку до утра, поэтому шум их не разбудил. А я ведь тоже прошлой ночью практически не спала, мне завидно. Вывела гостью из спальни и в надежде на хотя бы несколько часов сна поставила её в известность:

– В моём доме есть правила, Людмила Алексеевна. Во-первых, здесь живёт маленький ребёнок, и поэтому ночью все спят.

– Ага, – кивнула она и снова подпрыгнула, распираемая эмоциями. – А где чертёнок? Можно мне сейчас с ним поиграть? Я тихо-о-онечко. Ой, смотри! Это кто?

– Это кикимора, – ответила я, закатив глаза.

– А кикиморы тоже ночью спят?

Фрося попала. Было свинством с моей стороны взваливать на неё заботу о неугомонной ведьмочке, но я устала. Мне нужно было поспать. Люська немедленно начала выяснять, что умеют делать кикиморы, и я понадеялась, что Фрося не допустит никаких магических безобразий в доме. Это было рискованно, но кикимору очень сильно расстраивало недоверие, возникшее между нами после недавних событий – я решила, что эта ночь будет отличным испытанием. Справится с Люськой – начну доверять. А если не справится... Ну тогда утро у меня будет на редкость весёлым. И у Власова тоже. У него в особенности, потому что двух чокнутых ведьм под одной крышей он точно морально не выдержит.

Глава 7. Поиграли

Меня разбудили непривычные звуки, среди которых явно слышались голос моей юной гостьи и поросёнье по визгиванию. Судя по ясному голубому небу за окном, утро уже давно наступило. Власова рядом со мной в постели не было, и Владик из кровати тоже куда-то испарился. Подозревая худшее, я встала с кровати, накинула халат, сунула ноги в домашние тапочки и пошла выяснять обстановку. Проходя мимо зеркала, обратила внимание на стандартное воронье гнездо на своей голове и магией привела волосы в порядок, чтобы никого не напугать своей обычной утренней внешностью.

По дому в невероятном количестве были разбросаны фантики от конфет и шоколадок, разнокалиберные мягкие игрушки и куклы. «Блюдо стащили», – догадалась я. На журнальном столике в гостиной высился разноцветный стеклянный замок, а на самой высокой башне этого замка с гордым видом восседал, расправив свои недоразвитые крылья, анчутка.

– Фрол! – воскликнула я и попыталась его схватить, но бесёнок показал мне раздвоенный язык и упорхнул в мансарду, откуда, собственно, и доносился непонятный шум.

Бездонная сумка валялась на полу, и банку с консервированной Беленой я в ней тоже не обнаружила. «Финиш», – по-

думала обречённо и зашагала вверх по лестнице. Магией перемещений пользоваться не рискнула, чтобы поберечь свои собственные нервы. Власов с растерянным выражением лица стоял на верхней ступеньке и держал на руках Владика, которому происходящее явно нравилось – мой сыночек улыбался.

– Доброе утро, – неуверенно поздоровалась я с мужем и остановилась на полпути, хотя с этой точки не было видно, что творится в верхних помещениях.

Толя повернулся ко мне и удивлённо приподнял одну бровь.

– Да? Точно доброе? Ты ничего не путаешь?

Я всё-таки поднялась повыше и пришла в ужас.

Планировку в мансарде нашего мухинского дома делали ещё прежние хозяева. Слева от лестницы расположены две маленькие комнаты, а справа – большой застеклённый балкон. Это даже не балкон, а ещё одна недоделанная комната. Мы с Власовым хотели поставить там ещё одну перегородку, и тогда получилась бы просторная спальня с выходом на узкий балкончик. Не успели, потому что решили переехать. В итоге помещение осталось таким, каким было раньше – площадью примерно четыре на пять метров, пустое и светлое. Вот как раз в этом помещении и происходило шумное действо, радующее моего сына и приводящее в растерянность мужа.

Вдоль одной из стен стояли три... Даже не знаю, как это

правильно назвать. Одно сооружение выглядело как перекошенный соломенный шалаш. Второе внешне очень сильно напоминало первое, но было собрано из веток. Ну и третье – из камней разного размера, которые ничем не были между собой скреплены и могли в любой момент обрушиться на голову тому, кто заползёт внутрь шаткой конструкции, прикрытой сверху двумя кусками шифера. У окна в конце помещения стояли четыре стула, на трёх из которых сидели зрители – расстроенная Фрося, Нефёд в обнимку с волшебным блюдом и хмуро-мрачный призрак Белены. Четвёртый стул, судя по всему, предназначался Власову, но я бы на его месте тоже не рискнула пересечь помещение, по которому бегают, истерично повизгивая, три чудовища размером со стаффе-рьера. Они и были похожи не столько на свиней, сколько на гибриды собак, чертей и немножко варанов, хотя хрюкали вполне по-свински. Но самое ужасное заключалось в том, что морды у этих монстров были почти человеческие.

– Мать Божья! А это ещё что за зверь?! – отскочила я в сторону, когда одно из чудовищ с визгом ринулось в мою сторону.

– Это Страхопукла, – пояснила Люся с довольной улыбкой и указала волшебной палочкой на два других чудовища. – А это её друзья Крокозябра и Злопупындра. Мы репетируем спектакль про трёх поросят. Волка только не хватает. Хочешь быть волком? А то никто не соглашается.

– Я что-то как-то с ролевыми играми не особенно... –

неуверенно ответила я, внимательно разглядывая участников репетиции.

Один из них очень сильно смахивал на Артура Карпунина. Крокозябра, кажется. Или Злопупындра.

– Коты предусмотрительно смылись через форточку, – поставил меня в известность Власов и спросил: – Можно тебя на пару слов?

– Я сейчас вернусь, – многозначительным тоном пообещала я весёлой компании и спустилась на первый этаж вслед за мужем.

Ну да, ситуация явно требовала объяснений. Любой другой на месте Власова уже тоже смылся бы в форточку вслед за котами, но супруг у меня, к счастью, морально устойчивый.

– Ты это имела в виду, когда говорила, что я в обозримом будущем должен буду собрать всю свою волю в кулак и терпеть твои выходки? – уточнил он, отдавая мне сына.

– Не совсем, – поморщилась я. – Толь, прости, я не думала, что Люська настолько гиперактивна. Меня присмотреть за ней попросили несколько дней, а я её на Фросю оставила. Не надо было. Ты не переживай, я сейчас с этим разберусь.

– Да я не переживаю, неожиданно просто, – ответил он. – Проснулся утром, а в доме хаос и чужие дети. Это ведь племянница твоего любовника, да?

Ну вот. Началось. Но этого и следовало ожидать. Власов прямолинейный, он в себе обиду долго держать не будет.

– Двоюродная или что-то вроде того, – уточнила я, прекрасно понимая, что пропустить мимо ушей замечание насчёт Антона не получится. – Толь, я звонила ему вчера. Спрашивала, какого чёрта он забыл в Вырвинске. Он из-за Марии здесь, понимаешь? Она через Карпуниных сюда его заманила. Ему и служебное жильё в Мухино дали. У меня такое чувство, что она специально это делает, чтобы мне побольше личных проблем создать. Слушай, давай прошедший месяц просто оставим в прошлом, а? Ты мне изменял, а я – тебе. Нам теперь либо как-то жить с этим придётся, либо расходиться, потому что ревность ни к чему хорошему не приведёт.

Сверху донёсся грохот – кажется, каменное сооружение всё-таки развалилось.

– Мы ведь не собираемся разводиться прямо сейчас? – спросила я у Власова.

– Вроде нет, – пожал он плечами, но уверенности в его голосе я не услышала.

– Отлично! Значит, сначала я решу срочную проблему, а потом будем разбираться с остальными.

Вернула ему Владика и снова поднялась в мансарду. Оказывается, там не только каменная хибара рухнула – две другие тоже рассыпались. Непокорные чудовища с визгом носились кругами, пытаясь увернуться от магических залпов, которые рассерженная Люська стряхивала с кончика волшебной палочки.

– Они меня не слушаются! – пожаловалась она мне.

– Сидеть! – рывкнула я на свино-ящери-псов, и все трое послушно приземлились на пятые точки. – Вот так-то лучше. А теперь, многоуважаемая публика, я объявляю антракт и разбор полётов. Люся, дай сюда палочку.

– Она моя! – возразила девочка.

– Да неужели? – скривилась я скептически.

Телепортировалась к Люське, выхватила из её руки волшебный артефакт и практически за шиворот усадила хулиганку на свободный стул рядом со «зрителями». Все четверо смотрели на меня по-разному. Фрося – виновато, потому что ей было поручено следить за гостьей. Нефёд тоже выглядел сконфуженно – наверняка негодник принимал непосредственное участие в организации этого маленького домашнего цирка с не поддающимися дрессировке крокозябрами и страхопуклами. «Крокозябры или кракозябры?» – подумала я и перевела взгляд на Белену. Водянисто-прозрачные глаза призрака выражали нечто среднее между мольбой, обидой и насмешкой. Странное сочетание, но мне в тот момент было не до Белены. Люська – вот кто меня беспокоил. В её взгляде явственно читались вызов и непокорность. Зато отвратительные хрюканы все трое, кажется, обрадовались моему вмешательству – они смотрели на меня чуть ли не с обожанием и благодарно повиливали уродливыми куцыми хвостиками.

– Итак... – начала я, уперев кулаки в бока. – Вопрос пер-

вый. Кто взял без спроса мою сумку?

Допрос длился долго, потому что вина обнаружилась за каждым. А дело было так. Ночью Люсенька, распираемая любопытством, не хотела спать. Вместо того, чтобы нашептывать ей сон, Фрося придумывала разные тихие игры. Например, она приволокла с кухни всю стеклянную посуду, осторожно составила её на журнальном столике горкой и попросила гостью превратить эту грудку стекла в волшебный дворец – просто потому, что Люська много хвасталась. Так у меня в гостиной появился стеклянный замок. А Нефёд знал о Люсеньке много интересного от Добромила, поэтому предпочёл оставаться невидимым. Но он проголодался, блюдо с голубой каёмочкой лежало в бездонной сумке, а сумку я забрала в спальню, когда уходила спать. Мотивируя кражу сумки отмазкой «чтобы не греметь», домовый понёс рюкзак в мансарду, где одну комнату облюбовал под своё логово. О своей невидимости позаботился, а ношу спрятать забыл. Люська увидела, как вверх по лестнице ползёт рюкзачок, и очень сильно удивилась. Она хоть и маленькая, но ловкая и шустрая. И всё-таки ведьма. В общем, у Нефёда не было шансов выстоять против такого противника. Домовой проявился, когда Люська сцапала рюкзак. Началась нешуточная борьба за артефакт. Пока Фрося пыталась их разнять, из сумки высыпалось всё, что я туда засунула. Нефёд схватил блюдо и попытался улизнуть, но ведьмочка обездвигила его, хотя мне она так и не смогла объяснить, как это получилось. «Я

просто хотела посмотреть, что он взял», – вот и весь ответ.

Ой... Ужас! Железная банка, в которую я упаковала анчутку, упала и раскрылась. Люська каким-то образом за пару минут сняла все слои моей сложной защиты и выпустила беса на свободу. Потом она поймала в руки банку с надписью «Белена консервированная», потрясла ею возле уха и освободила ещё и призрак. Всё это время Фрося пыталась нашептывать девчонке сон, но шепотки отскакивали от Люськи как горох от стены. Белена попыталась улизнуть, но её постигла участь Нефёда. Тогда же среди моих вещей обнаружилась и волшебная палочка, но блюдо интересовало ведьмочку больше, потому что домовый сражался за него. Фрося решила, что хуже уже всё равно не будет, поэтому объяснила девочке, что это что-то вроде скатерти-самобранки. Люся начала активно добывать с помощью артефакта всё, чего была лишена в своём невесёлом детстве. Начала она с конфет. Пожалела голодного домового и буквально за полчаса раскормила его до состояния лохматого шара. И сама наелась сладостей до такой степени, что уже смотреть на них не могла. Потом начались игрушки. Фантазия Люсеньки простиралась далеко за пределы возможностей современных производителей, поэтому блюдо выдавало ей всё, что было хоть немного похоже на запросы. А под утро девочка всё-таки устала, улеглась на диване в гостиной прямо на гору фантиков и потребовала сказку.

– Про трёх поросят после вчерашнего само на язык на-

просилось, – виновато объясняла мне Фрося, косясь на хрюкопсов. – Я начала про Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа, а она заявила мне, что это скучные имена. Нефёд поддакнул и сказал, что поросят должны звать Олег, Артур и Мирон. Люсенька спросила, почему.

Кикимора сделала небольшую паузу, не решаясь признаться в том, кто рассказал Люське о Карпуниных и моём вчерашнем колдовстве. При этом она такие взгляды в сторону домового бросала, что и так всё было понятно.

– А что я-то? – возмутился Нефёд. – Как что, так сразу я виноват? Кикимора сказки рассказывать не умеет, а я крайний?

В общем, он объяснил Люське, что есть такие три дядьки, из-за которых у меня всё время появляются неприятности. Они меня разозлили, поэтому я призвала их через волшебное блюдо и превратила в трёх поросят. Люська сказала, что она тоже так может. Отобрала у домового блюдо и потребовала принести ей «трёх злых дядек, которые тёте Эле жизнь портят». Задача артефакту была поставлена некорректно, поэтому блюдо доставило в мой дом Артура Карпунина, Антона Лопатина и главу администрации посёлка Мухино, с которым я буквально вчера ругалась из-за прописки. Все трое, к счастью, мирно спали и Фросе удалось быстро отправить их назад. Люся на неё обиделась. Во-первых, она не поняла, с чего это её дядя Антон вдруг оказался злым, а во-вторых, девочку огорчил сам факт испорченной игры. После

непродолжительного спора кикимора была обездвижена, как до этого Нефёд и Белена, а на расширившееся блюдо вернулись потенциальные жертвы маленькой ведьмочки. Запрос к артефакту был тот же, но с уточнением «дядя Антон не злой, неси кого-нибудь другого». Кем-то другим оказался тамбовский следователь Дима Кочкин. В этот раз остановить Люську никто не мог, поэтому все три дядьки были превращены ею в розовых поросят, которые проснулись, начали бегать по гостиной и возмущённо повизгивать.

– Розовых? – недоверчиво уточнила я, взглянув на уродливых чудовищ.

– Они были скучные, – объяснила Люся необычную внешность главных героев сказки. – И имена у них скучные. Белена другие придумала.

– Ага, – пробормотала я, прекрасно понимая, что передо мной в шкуре трёх существ неопределённого вида сидят два чиновника и следователь.

Белена же и предложила малютке поиграть в мансарде, чтобы шум меня не разбудил, а то я снова испорчу весёлую игру. Фрося попыталась спорить, но призрак ведьмы даже в обездвиженном состоянии был способен на многое. По приказу главного режиссёра Людмилы Алексеевны домовой, кикимора и ведьма взяли в кухне стулья и потопали в мансарду. Трёх мужиков, превращённых в хрюкающих чудовищ, Люся загнала наверх с помощью волшебной палочки. Анчутка спрятался сразу же после освобождения, поэтому поиграть

с ним, на его же счастье, Люське не удалось. Солома, ветки и булыжники для декораций также были добыты с помощью волшебной посуды. А роль волка в спектакле исполнять никто не захотел, поэтому ведьмочка обиделась на всех и заявила, что волком она и сама может побыть. Даже немного побыла, но волку трудно держать в лапе волшебную палочку.

Власов проснулся и пришёл наверх на несколько минут раньше меня. Он не знал того, что только что узнала я. А я была в шоке. При небольшом объёме колдовской силы маленькая девочка обладала такими способностями, что любая уважающая себя ведьма лопнула бы от зависти. Но я всё равно сильнее.

– Люся прямо сейчас идёт спать, – приказала так, что не подчиниться было просто невозможно. – Когда проснёшься, мы с тобой детально обсудим правила поведения в этом доме и много других важных тем.

– Ты злая, – устало заявила она в ответ и широко зевнула.

– Да, – подтвердила я. – Очень злая. И я настоятельно советую не злить меня ещё сильнее. Марш в постель!

Открыла дверь в ту из маленьких комнат в мансарде, которую не оккупировал Нефёд, и указала рукой на кровать. Люська залезла на постель прямо в тапочках, свернулась в клубочек и сразу же сладко засопела – умиралась, бедняжка.

– Теперь Нефёд... – вернулась я к нежити, продолжающей сидеть на стульях, поскольку так приказала маленькая ведьма. – Гони сюда блюдо и шуруй вниз наводить порядок.

Сдерживающая их магия была простой, но прочной. Домовому и кикиморе с такой не справиться, а Белена не так давно большей части своих сил лишилась, поэтому тоже не смогла разорвать путы. Я отпустила только Нефёда и Фросю. Кикиморе велела найти внизу труселя Страхопуклы, Злоупындры и Крокозябры и вернуться в мансарду, поскольку мужикам перед возвращением домой нужно нашептать, что им просто приснился кошмар. Заметила краем глаза анчутку в углу у окна и запечатала его в неразрушимую магическую клетку – нечего по моему дому порхать.

– А ты, – ткнула пальцем в грудь призрака Белены, – пока посидишь здесь. У меня к тебе серьёзный разговор есть.

Фрося принесла исподнее «трёх поросят». Диму Кочкина и главу Мухино мы с ней благополучно усыпили, после чего кикимора сама надела на мужиков трусы и немного подправила воспоминания шепотками. Блюдо вернуло их туда, откуда принесло. Я не знаю, женаты они или нет, и придётся ли им как-то объяснять дома своё исчезновение на несколько часов, но мне, если честно, было на это совершенно наплевать.

– Доброе утро, Артур Олегович, – поздоровалась я с третьим голозадым гостем после того, как вернула ему человеческий облик.

Деликатно отвернулась, чтобы он мог без стеснения натянуть труселя на своё рыхлое тело, и услышала за спиной:

– Ты теперь меня в покое не оставишь, да? Будешь мстить

за всё, что я тебе сделал и не сделал?

– Да больно ты мне нужен был, – усмехнулась я и повернулась к нему лицом. – Людей вроде тебя перевоспитать уже невозможно ни наказаниями, ни мстью, ни словами. От страха трясёшься, а всё равно плюёшься ядом. Зачем тебе Антон Лопатин? Только правду говори, а то ещё на два часа Страхопуклой сделаю.

– Он известный муравьёлог, – ответил Карпунин.

– Мирмеколог, – поправила я. – И что? В Лесном много уникальных муравьёв завелось?

– Вблизи источников необъяснимой силы муравьи ведут себя по-другому, не как обычно, – последовало пояснение.

– А, так тебе намекнули, что Лопатин поможет найти целебные источники, – поняла я.

– Тебя это никак не касается, – огрызнулся Артур Олегович. – На своей земле я имею право делать всё, что захочу. Хоть источники искать, хоть мусороперерабатывающий завод построить.

– Ничего подобного, – возразила я. – Твоя земля только под бывшей деревней находится, а всё остальное разве что на правах долгосрочной аренды можно было заполучить. Четыре тысячи гектаров леса тебе никто в собственность не отдаст, так нельзя по закону.

– С тобой забыл проконсультироваться, – снова съязвил он.

Я присмотрелась к нему повнимательнее и заметила, что

вчерашнего шепотка Фроси, благодаря которому этот человек должен был испытывать ко мне крайнюю степень уважения, уже нет. Нетрудно было догадаться, чьими стараниями Карпунин избавился от этой магии. Значит, Мария действительно намерена создавать мне проблемы через третьих лиц, что в нашем с ней контракте я упустила. Магией мне её не одолеть – на её стороне сама смерть, а у меня очень много дорогих людей под боком. Я ещё и чужого ребёнка себе на шею взгромоздила по доброте душевной. Осталось уповать только на помощь Шабаша, а до его начала придётся две недельки как-то продержаться. «Скорее бы свод Законов получить. Я тебе тогда устрою весёлое упокоение», – мысленно обратилась я к чёрной ведьме, радуясь, что мои мысли она слышать не может.

– Если сунешься к моей семье и попытаешься нам навредить, твой труп будут по кусочкам собирать по всему Лесному, – пообещала я Карпунину на прощание, но из вредности отправила его не в исходную точку этого утреннего приключения, а напрямик в администрацию города Вывинска. На рабочее место. А что? По времени уже рабочий день начался, все чиновники добросовестно трудятся. Он мне, конечно, эту маленькую подлость наверняка ещё припомнит, но пусть хотя бы начнёт – размажу и не поморщусь.

В мансарде после этого всего остались только я, анчутка в клетке и Белена.

– Ну что, поговорим? – присела я рядом с мёртвой ведь-

мой на соседний стул.

– А у меня есть выбор? – скривилась она.

– Нет, – честно призналась я. – Выбора у тебя нет. Но есть возможность послушать полезные сведения о пророчестве Пелагеи и сделать выводы. Интересует?

Глава 8. Простить и отпустить

К прорицателям во все времена относились двояко. Предсказал что-нибудь хорошее, и оно сбылось – уважение тебе и почёт. Не сбылось – плохой из тебя пророк, поди прочь. А если сбылось дурное пророчество, то и вина за это лежит на тебе – накликать беду, негодяй. Дар этот редкий, и мало кто считал необходимым в нём разбираться, поэтому даже сами провидцы зачастую не знали основ. Есть будущее, которое невозможно предотвратить, потому что оно не зависит от людей – цунами, извержения вулканов, наводнения, землетрясения, смерчи. Но предсказанную человеческую судьбу изменить можно. Она в руках самого человека. Если человек предупреждён о грядущей опасности, он может её избежать. Изменить день нынешний, чтобы изменилось грядущее – так это работает.

Слова Пелагеи, адресованные Белене, звучали следующим образом: «И для тебя тоже есть покой. Моя душа его уже нашла, и твоя когда-нибудь найдёт. Тёмное прошлое ясному будущему дорогу уступит, зло добром обернётся, распухнет цветок, выросший из мёртвого семени, и тогда сердце твоё чёрное станет таким же белым, как волос, а в душе воцарится мир». Белена умерла, но упокоения она не желала, поэтому и творила ужасные вещи, чтобы пророчество её соперницы никогда не сбылось. У неё не было про-

видческого дара, и она не понимала цену услышанных слов. Я тоже раньше таким даром не обладала, и для меня, как и для всех, слова Пелагеи звучали перечнем условий, которые нужно выполнить, чтобы Белена наконец-то упокоилась. Но так было раньше. Теперь у меня гораздо больше способностей, многие из которых весьма полезны.

– Суть в том, что Пелагея искала покой и пребывала в уверенности, что ты тоже когда-нибудь его возжелаешь, – пояснила я призраку. – Её слова только обозначили срок, после истечения которого твой дух сам очистится от тьмы.

– Это как? – не поняла мёртвая ведьма.

– Очень просто, – пожала я плечами. – Пелагея просто предсказала события, которые должны произойти независимо от твоего или моего участия. Нас с тобой это всё касается очень условно. Это как если бы она сказала: «С горы Эверест упадёт камень, все попугаи облысеют, а улитки завоюют мир». Хочешь ускорить события – бросай камни, ошпыливай попугаев и дрессируй армию улиток. Не хочешь торопиться – просто жди. Но и тогда ты не упокоишься, а лишь очистишься. Покой наступит после всего перечисленного, но лишь тогда, когда ты сама его пожелаешь.

– То есть мне вообще ничего не надо было делать? – недоверчиво сощурилась Белена.

– Именно так, – подтвердила я. – У меня теперь несколько способностей, относящихся к дару предвидения, и я могу с твёрдой уверенностью сказать, что пророчество Пелагеи

беспокоит тебя исключительно по причине твоей неосведомлённости. Она сама не понимала силу своего дара, а тебе не у кого было спросить совета, поэтому ты и боролась триста лет с тем, о чём не имела ни малейшего представления, хотя могла всё это время посмертно существовать в своё удовольствие. Если хочешь очистить душу побыстрее, можешь заняться поиском смысла в условиях пророчества, но, на мой взгляд, это бесполезное занятие. Любое из трёх условий может означать что угодно. Если третье ещё как-то подходит под рождение моего сына, то над первыми двумя я бы даже голову ломать не стала.

– Хочешь сказать, что загробный мир не утащит меня против моей воли, если всё будет выполнено? – снова проявила ведьма недоверие.

– Не утащит, – уверенно ответила я.

– И почему я должна тебе верить?

– Не должна. Мне от тебя ничего не нужно. Ты свободна, Белена. Можешь валить на все четыре стороны, но если снова начнёшь вредить мне, я отправлю тебя в загробный изолятор так, чтобы ты куковала там до скончания времён.

– И что, прямо вот такпустишь? – сощурилась она ещё сильнее.

– А почему нет? – пожала я плечами. – Я тоже способна на злодеяния, когда речь идёт о моих интересах. Сейчас могу тебя простить, потому что ты превратилась в подлое чудовище по незнанию, но впредь на такую щедрость не рассчитывай.

вай. Теперь ты знаешь правду, и пощады за новые пакости тебе не будет.

Я сняла с неё Люськины путы, но призрак не сдвинулся с места. Ну да. Триста лет потратить на бессмысленную борьбу с тем, что, возможно, вообще никогда не произойдёт, и против чего даже не надо было бороться – такое сложно осознать в одночасье. Я понимала, что рискую, отпуская Белену, но неволить её и дальше просто не хотелось. Она сама обманула, когда встала на путь зла и вредительства во имя непонятно чего. Мне она больше не враг. Пока не враг. Возьмётся за старое – накажу, а пока пусть гуляет вальсом с глаз моих подальше. Я ведь злопамятная. Простить могу, но обид не забуду.

– А Дарёна сейчас где? – спросила она, вернувшись из мрака своих размышлений.

– Понятия не имею, – ответила я. – Мы с ней контракт заключили. Я отдала ей другой источник природной силы в обмен на Владика.

– И ей ты тоже все пакости простишь? – удивилась Белена.

– Контрактом оговорено, что за вред, причинённый мне и моей семье, я мстить не буду, – ответила я так, чтобы не раскрыть свои намерения.

– Балбесина, – высказался призрак по данному поводу.

– Пусть так, – согласилась я. – Худой мир лучше доброй войны. Я устала сражаться. У меня и без Марии проблем хватает. Иди уже. Обдумывай свою новую реальность, осваивай-

ся с ней и оставь меня в покое. Надеюсь, больше не увидимся. Сюда дорогу забудь, я на дом защиту сегодня поставлю.

Она ушла, но в искренность моего поступка не поверила. Подлые люди всегда ждут коварства и от других. Сложно ей будет. Наверняка сначала будет искать подтверждение тому, что я сказала о пророчестве, а когда найдёт... Тогда ей либо придётся переоценить все триста лет своего существования, либо заставить себя забыть об этом. Это в том случае, если она намерена что-то в себе изменить.

– Может, и меня отпустишь, раз уж ты сегодня такая добренькая? – заискивающе поинтересовался анчутка.

– Если пообещаешь убраться подальше и никогда больше мне на глаза не попадаться, – поставила я условие.

Он пообещал. Я открыла одно из окон, разрушила клетку и выпустила его из дома. Пусть улетает. Его мизгирёвские ведьмы голодом морили не один десяток лет, и я обошлась с этим бесёнком ничуть не лучше.

На душе после этого всего даже как-то полегчало. Злая я или нет, но какая-то совесть у меня всё-таки имеется. Нельзя неволить тех, кому нужна свобода. Иногда бывают безвыходные ситуации, но это не тот случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.